

ЛЮБИМАЯ
ПРОЗА

СДЕЛАНО
В СССР

Лев
Славин

ДВА БОЙЦА

Сделано в СССР. Любимая проза

Лев Славин

Два бойца

«ВЕЧЕ»

1941, 1958

Славин Л. И.

Два бойца / Л. И. Славин — «ВЕЧЕ», 1941, 1958 — (Сделано в СССР. Любимая проза)

ISBN 978-5-4484-7711-9

В книгу известного советского драматурга, писателя, сценариста Льва Исаевича Славина (1896–1984) вошли повести, рассказы и очерки чрезвычайно разнообразной тематики. Здесь и события Великой Отечественной войны, и повседневный быт мирных трудовых будней. Повесть «Два бойца» («Мои земляки») рассказывает о фронтовой дружбе солдат Аркадия Дзюбина, неунывающего лихого и бедового парня из Одессы, и Паши Свинцова – «Саши-с-Уралмаша». Она преисполнена юмором, добротой и пониманием солдатской жизни. Одноименный легендарный военный фильм по ней был снят в 1943 году режиссером Леонидом Луковым, в главных ролях: Борис Андреев, Марк Бернес.

ISBN 978-5-4484-7711-9

© Славин Л. И., 1941, 1958

© ВЕЧЕ, 1941, 1958

Содержание

Два бойца	6
1	6
2	9
3	12
4	17
5	21
6	28
7	32
8	37
9	42
По ту сторону холма	47
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лев Исаевич Славин

Два бойца

© ООО «Издательство «Вече», 2013

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Два бойца

1

Аркадия Дзюбина я услышал прежде, чем увидел. Это было в лесу. Я лежал под деревом. Немцы крыли из артиллерии. Пальба была ураганная и неточная. Все-таки голову поднять не хотелось. Грохот стоял адский. Он проникал, казалось, не только в уши, но и в глаза, в рот, в нос.

Часам к двум огонь вдруг прекратился. Какая тишина! И я замечаю, что листва на деревьях нежная-нежная, как всегда в сентябре под Ленинградом. Летают золотые жуки с тихим ворчаньем. В воздухе марево от жары, и солнце сквозь него кажется туманным и серебряным. И на всем покоится мягкий свет. На фронте обычно не замечаешь природу. Но эта красота без спросу лезла в душу.

В эту минуту я услышал пронзительный голос:

– Фрицы потопали обедать.

Другой голос, густой окающий бас:

– Сейчас ихни-то самолеты вылетят.

Первый:

– Чудак! В небе тоже обеденный перерыв. Ангелы и демоны тоже должны покушать.

Я насторожился. От этого голоса на меня повеяло чем-то бесконечно знакомым. Эти смягченные шипящие и гортанные, это полное пренебрежение к звуку «ы», этот шикарный «апашский» прононс – так говорят только в Одессе.

Я оглянулся и увидел двух бойцов. Они сидели на земле и набивали патронами диски ручного пулемета. Один был долговязый, с тонкими усиками на бледном лице. Маленькие глазки его смотрели насмешливо и надменно. Другой был огромен, прямо гигант. Своими тяжелыми руками он с неожиданной ловкостью производил те точные, аккуратные движения, какие необходимы для зарядки пулеметных магазинов. В грубом лице его было что-то детское.

– Очень рад познакомиться, – с южной учтивостью приветствовал меня долговязый. – Сидайте, пожалуйста, будьте как дома. А это мой второй номер, Александр Свинцов, более известный под кличкой «Саша-с-Уралмаша». Будьте знакомы.

Саша-с-Уралмаша пробормотал что-то невнятное.

– Смелей, смелей, Саша, дай дяде ручку. Вы его извините, пожалуйста, он очень робкий, он только с немцами смелый. Саша, дружок, расскажи человеку, как ты притопал верхом на немце.

Бойцы, лежавшие там и сям в траве, засмеялись. Гигант покраснел и буркнул:

– Трепаться-то брось...

– А шё такое? Это же интересно. Ну хорошо, скромность украшает юношей. Так, понимаете, мы как-то видим – из лесу чешет гитлеровский офицер. Прямо галопом, как призовой жеребец. А верхом на нем не кто иной, как Саша-с-Уралмаша. Возле штабного блиндажа Саша спрыгивает и докладывает командиру: так и так, «зацапал живьем офицера». А офицер стоит рядом и сопит, и прямо весь в мыле. Правда, ребята?

Ребята смеялись. Саша-с-Уралмаша кидал по сторонам умоляющие взгляды. Мне стало жаль его.

– Так вы думаете, немцы сейчас обедают? – сказал я, чтобы переменить разговор.

Но долговязый неумолимо продолжал:

– А командир, значит, говорит: «А шё ж это вы, говорит, верхом на нем приехали?» А наш Саша отвечает: «А это для того, товарищ командир, шёб он не сбежал по дороге». Вот умник! Министерская голова ни за копейку пропадает.

Бойцы заливались хохотом. На войне любят смех. Он облегчает тяготы фронтовой жизни. Молоденький шустрый артиллерист подскочил к Саше и тряс его за плечо.

– Экий ты пень, Сашка! – кричал он. – Знаешь что, отчисляйся к нам в дивизион, будешь у нас ребят потешать заместо циркового клоуна, честное слово!

Саша молчал. На большом лице его бродила мучительная улыбка.

– А ну, убери с него руку, – коротко сказал долговязый.

И так как артиллерист смотрел на него не понимая, долговязый пояснил:

– Это я тебе говорю, артиллерист: скидывай с парня свою лапку. Ясно?

И своими немигающими глазками он уставился в артиллериста с такой твердостью, что тот смущенно пробормотал:

– Будто ясно, – и отступил.

– Так его, Дзюбин! – закричали в траве. – Под натиском пехоты артиллерия в панике бежала, бросая материальную часть.

– Ну, ну! – закричал артиллерист хорохорясь. – Ты, Дзюбин, не очень... А то, знаешь... как бы мы с тобой не стукнулись.

– Пожалуйста, – сказал Дзюбин гостеприимно, – пройдем в кусты на парочку слов. Там я с тобой поговорю по-одесски.

– Подумаешь! – сказал артиллерист – Видали мы ваших одесских.

Дзюбин вскочил. Его длинное тощее тело разогнулось с такой стремительностью, словно в нем не было костей.

В это время принесли почту. Разговоры прекратились. Бойцы лежали в траве и читали письма под вялое уханье артиллерии.

– Дзюбин Аркадий, тебе письмо! – крикнул кто-то.

Но Дзюбин не слушал. Он подошел к артиллеристу и сказал со зловещим спокойствием:

– Вот что, дружок, ты мне Одессу не трогай. Ясно? Если я еще услышу такую вещь, так я из тебя сделаю бефстроганов. На месте. Не отходя от кассы.

Он яростно скрипнул зубами, и артиллерист, не говоря ни слова, исчез.

Дзюбин взял письмо и спустился в свой блиндажик. Через минуту мы услышали его голос:

– Вы слышите? Фугаска упала прямо посередке Дерибасовской улицы! Это же одна такая шикарная улица на весь Союз, наша Дерибабушка! Ай-ай-ай! Слышите, они разбили памятник Пушкину на бульваре Фельдмана... Кошмар подумать, что вытворяют эти фашистские жабы!..

Долго еще гремел у себя в блиндаже Дзюбин. Саша-с-Уралмаша сунулся было с утешениями, но Аркадий напустился на него:

– Шё ты сравниваешь? Ну шё ты сравниваешь? Шё ты вообще видел в своей жизни, ты, деревенщина!..

Аркадий вошел в раж. Он припомнил Саше все его ошибки, все задержки пулемета, все неточности в корректировке огня. Заодно гиганту досталось и за его медлительность, молчаливость, за его тяжеловесное глубокомыслие – все, что так раздражало пылкий, нетерпеливый нрав одессита.

Из землянки пулеметчиков доносились скрипучие крики Дзюбина:

– Почему это мне так не везет? У людей вторые номера как вторые номера. А у меня какая-то медуза, прости господи, заместо человека. Молчи, не возражай, не действуй мне на печенку!..

Саша только тихо сопел под этими стрелами южного красноречия. Особенно оскорбляло его непонятное слово «медуза». Ярость гиганта разгоралась медленно. Аркадий знал ее при-

знаки. Увидев, что глаза Сашины начали темнеть, а руки сжимаются в кулаки, Аркадий вынул из вещевого мешка мандолину. Это была настоящая итальянская мандолина, сработанная в Одессе старым чехом Драгошем. Трудно понять, как Аркадий ухитрился пронести этот хрупкий инструмент сквозь огонь военных передраг. Но он таскал ее в мешке по всем фронтам, как кусок своей любимой Одессы, и ухаживал за ней не меньше, чем за своим пулеметом.

Вынув мандолину, он взял шикарный аккорд и запел своим резким, но верным голосом:

Надену шляпу я,
Взбегу по трапу я,
Махну в Анапу я,
Там жизнь легка...

И глаза гиганта постепенно светлели, а грубое лицо его становилось мечтательным и трогательно нежным.

А Дзюбин все пел одну песню за другой. О кочегарах: «Товарищ, не в силах я вахты держать...» О любовных муках некоего благородного вора: «...и слезы катятся, братишечка, в тумане по исхудалому моему лицу...» И, наконец, свой коронный номер – песню о портовых грузчиках, из которых он сам происходил:

Грубое лицо у меня впереди,
Грубая спина у меня позади
И нежное сердце в груди...

Мандолина звенела. Скрипучий голос Аркадия звучал по-необычному мягко и мелодично. Казалось, что в этих песнях изливается вся его душа, нежная, печальная, мечтательная.

Но тот не знал Аркадия Дзюбина, кто не видел его в бою.

2

Он лежит на земле среди картофельной ботвы. Он широко раскинул ноги носками наружу, как и полагается наводчику, левая рука под прикладом пулемета, правая на спусковом крючке. Маленький круглый глаз не мигая смотрит в прорезь прицела. Временами он поворачивает лицо, бледное, с задорными усиками, в сторону лейтенанта Рудого, ожидая команды. Но нет команды стрелять.

Чуть позади и чуть правее распластал на земле свое огромное тело Саша-с-Уралмаша. Инструмент и запасные стволы у него под руками. Он приготовился подавать магазины, наблюдать, советовать, как и полагается второму номеру. Но нет команды стрелять.

Я следую с этим взводом четвертый день. Сейчас мы все лежим в поле. Впереди золотая пыль солнечного заката. В ней чернеют неясными пятнами избы и палисадники. Это деревня Р. Нам приказано взять ее к восемнадцати ноль-ноль. Я дважды поднимался и помогал раненым отползти назад, в рожицу. Сейчас восемнадцать двадцать.

Вначале я понимал отсутствие движения как особый тонкий замысел лейтенанта Рудого, как хитроумный маневр, который должен привести к внезапной и эффектной победе, вроде того, как это происходит в картине «Чапаев».

Но вот, я слышу, уже второй раз телефонируют из штаба батальона и справляются – до каких, собственно, пор мы собираемся лежать? Еще несколько раненых уползают в рожицу. Рудой нервничает. И я понимаю, почему мы не можем двинуться вперед. Нам мешает огонь немецких автоматчиков. Мы не можем пробиться сквозь этот низкий и хлесткий огонь.

Аркадий вглядывается куда-то вдаль. Я неуверенно посматриваю на других бойцов.

Потом Аркадий обернулся к Саше и ткнул пальцем вправо, в какую-то кучу, темневшую вдали.

– Шёб я пропал, – проскрипел он, – если в этой соломе не сидят минимум две жабы с автоматами.

– Какая ж то солома, то сено, – с презрением сказал Саша.

– Это особой роли не играет, – сказал Аркадий и пополз вперед, придерживая пулемет.

Гигант смотрел ему вслед с явным волнением.

Тощее змеевидное тело Аркадия ловко извивается между неровностями почвы. Иногда оно пропадает за холмиками и буграми. Потом появляется снова. Вот он замер, прильнул к земле, сливается с ней. Глаза устают смотреть на него. Перестаете понимать: Дзюбин это или кочка? Но нет, кочка двинулась. Саша отвернулся, он не мог смотреть. Он только изредка спрашивает:

– Ползет?

– Виден.

– Виден?

– Ползет.

А потом вдруг сосед сказал:

– Больше не виден.

И действительно, Аркадий пропал. Люди посмотрели друг на друга со значительным видом, – знаете этот взгляд, когда все понятно без слов?

Саша приподнялся, забыв о пулях, визжавших над головой.

– Да вот же Аркадий! – крикнул Саша.

И верно! Это его долговязая фигура у самого стога. На фоне заката все так четко. Мы видим, Аркадий делает два резких движения рукой.

– Гранаты бросил! – задыхаясь, шепнул Саша.

Два взрыва! Черный столб дыма закрывает солнце.

Стог горит. Из него выбегают три силуэта в коротких куртках с автоматами в руках. Аркадий припадает к пулемету. Очередь, молниеносная, мастерская, – и немцы валятся.

Рудой ведет нас вперед, и мы бежим к деревне, стреляя, и связисты бегут за нами, пригнувшись, разматывая катушки.

Скоро околица. Новый шквал огня. Мы залегли. Огонь хлещет из-под домов. Немцы подрылись туда, у них там, оказывается, блиндажи. С чердаков они стреляют тоже. Появился Аркадий. Лицо его в копоти. Рукавом он стирает пот и еще больше размазывает грязь по лицу. Только глаза блестят чисто и весело. Саша ползет к нему. Аркадий устраивает свой пулемет на гребне воронки от снаряда.

– Что не взял меня давеча? – сурово говорит Саша и располагается рядом с ним.

Аркадий не отвечает. Он ушел в работу. Он стреляет с такой же страстью, как и поет или ссорится. Дуло его пулемета некоторое время подрагивает, как нос легавой на стойке. Аркадий словно вынюхивает цель. И вдруг дает очередь. Полуобгорелая изба слева смолкает.

А Аркадий уже на новом месте, у остатков плетня, когда-то, видимо, огораживавшего поле. Мгновенно втыкает он сошки пулемета в землю и снова строчит. При этом он крикает и что-то бормочет сквозь стиснутые зубы. И если прислушаться, то можно разобрать;

– Вот тебе за Дерибабушку, зараза. Вот тебе за памятник Пушкину... На, кушай...

Саша лежит рядом и басит:

– Два пальца вправо... Так. Точно.

К плетню тем временем подползает с новыми дисками подносчик патронов Галанин, ленинградский студент из добровольцев. На юном лице его изумление: «Где Аркадий?»

А Аркадий с Сашей опять на новом месте, у кучи бревен. Он поминутно меняет позиции. Он стреляет то короткими очередями, то длинными, то одиночными выстрелами. Он находит цель по вспышкам, почти незаметным сейчас, при дневном свете, по едва уловимым шевелениям за углами домов, по слишком желтому цвету травы, маскировавшей бойницы и давно засохшей, а иногда просто по звуку. Найдя цель, он вламывается в нее своим огнем с быстротой, почти непостижимой. Каждая его очередь поджигает дом, прошибает укрытие, настигает перебегающих немцев, валит их, косит, каждую очередь он сопровождает своим яростным бормотаньем про какие-то улицы, бульвары, морские купальни, ресторанчики, про дорогие его одесскому сердцу скалы Ланжерона и белые акации Пале-Рояля.

Внезапно с другого края деревни взлетает ракета. Она рассыпается в вечеряющем воздухе белым огнем. Задравши головы, мы смотрим на нее. И в ту же минуту мы слышим пальбу и крики «ура». То пошел в атаку другой наш взвод, обошедший деревню с тыла. Его повел политрук Масальский.

И вдруг скрипучий крик:

– За мной!

И мы видим – встал Дзюбин. Он пошел вперед, насмешливо и грозно поглядывая по сторонам и выставив перед собой пулемет, притороченный ремнями к туловищу. Рядом шагает своим медвежьим шагом Саша-с-Уралмаша, держа в одной руке винтовку, а в другой свое маленькое хозяйство второго номера – коробку с запасными магазинами и сумку с инструментом.

– Вперед... – попытался снова крикнуть Аркадий, но вместо ожидаемого могучего крика из его груди вырвался жалкий писк. От большого усилия он сорвал голос.

Он тогда поворачивается к Саше и гневно хрипит:

– Давай голос!

И тот мощным, каким-то девственным басом закричал, перекрывая пальбу:

– Вперед! За Родину!

И ринулся вперед. Все – за ним. Аркадий тоже. Все же он успел повернуться, насмешливо подмигнуть мне в сторону Саши и прохрипеть:

– Ничего голосок у мальчика, а?

А Саша был далеко впереди. Винтовку свою он схватил за конец ствола и, действуя ею, как дубиной, замешался в толпу немцев. Долго была видна его гигантская фигура. А потом он исчез в сутолоке боя.

3

Уже стемнело, когда мы взяли деревню. Остатки немцев отошли к дачной местности П., где у них был сильный оборонительный узел.

На маленькой круглой площади происходит встреча с полит-руком Масальским, который брал деревню с тыла. Это рослый краснолицый атлет с оглушительным голосом, настоящий воин по наружности и повадкам. До войны он был доцентом по кафедре истории искусств. Он уговаривается с лейтенантом Рудым о ночлеге для бойцов и о расстановке сторожевого охранения.

Мы бродили по улицам, с любопытством осматривая следы пребывания немцев. Мало изб сохранилось здесь. Среди обгорелых развалин торчали, как журавлиные шеи, длинные голые дымоходы. Станным образом уцелело двухэтажное здание сельсовета.

Возле него стояла целенькая немецкая штабная машина. Она была размалевана для маскировки в желтое и черное. За рулем в позе спящего человека сидел убитый шофер. На рукаве его белая свастика и пониже крылатое колесо.

От крыши сельсовета поперек улицы висело длинное белое полотнище. На нем было крупно написано: «Langsam fahren. Ohne Signalen!»

На перекрестке стоял дорожный знак – стрелка с надписью: «Nach Leningrad». К стене сельсовета была прикреплена листовка с лубочным изображением солдата на берегу реки и надписью: «Германский зольдат на реке Вольга».

Мы заглянули в сельсовет. Пол был закидан полуобгорелыми бумагами и расстрелянными гильзами. На подоконнике валялся подбитый крупнокалиберный пулемет. В углу на сенниках лежали два трупа – босая девушка в разорванном платье, с окровавленной головой и гитлеровец без куртки, вверх спиной, между его лопатками торчал кухонный нож. Мы постояли над ними, стараясь разгадать, какая драма разыгралась здесь незадолго до нашего прихода.

Из второго эшелона примчался старшина на полуторке. Мы сгрузили с нее термосы с обедом. Полуторка спешила обратно в тыл. Мы положили на нее немецкие шинели, минометы, винтовки и прочее трофейное добро. Туда же поместили четырех пленных. С ними сел Галанин, наш подносчик патронов. В свободное время он работал переводчиком. Я попросил его завезти на полевую почтовую станцию маленькую корреспонденцию, которую я только что набросал. Ребята тоже надавали ему писем. Их набрался целый мешок, после боя много пишут.

Немцы опасливо поглядывали на нас. Галанин перегнулся через борт машины. В полумраке белесой северной ночи весело сверкнули его зубы. Он сказал нам, кивнув в сторону пленных:

– Трусят! Ай, как же они трусят! Все время спрашивают меня: «А нас не убьют? Мы все скажем, пусть только нас не убивают».

И он засмеялся своим счастливым, молодым смехом. Было тихо кругом, свежо, хорошо пахло.

Из темноты раздался сердитый хрип Аркадия:

– Шё ты смеешься, Галанин? Какие тут могут быть смешочки? Эти жабы понаделали таких гадостей, шё это в мире не видано. Они это понимают. Оттого они чересчур волнуются, когда попадают к нам.

– Нет, почему ж, Дзюбин, – сказал Галанин назидательным тоном, – нельзя так огулом. И среди гитлеровцев, без сомнения, есть приличные ребята.

– Ты эти номерочки оставь, студент, – сказал Аркадий свистящим от ярости шепотом. – Это тебе не университет. Я что-то пока не заметил среди гитлеровцев приличных ребят. Возьмем, например, финских фашистов, этих... как их, шюцкоровцы, что ли? Тоже не ай-ай-ай. Тоже порядочные дешевки и жабы. Но все-таки в них есть какое-то самолюбствие. А эти? Сол-

даты дерьмовые, без танков ни на шаг. Сами вшивые, пьяные, в голове одно – набить кишки на шермака, шё-нибудь стянуть, занять где-нибудь девочку. Ни один из них не пропустит случая шё-нибудь поломать, шё-нибудь пожечь, кого-нибудь повесить, и причем желательно за ноги, шёб помучить. Так это люди?

Он помолчал и прибавил с угрюмой злобой одессита:

– Может, одни только румынские фашисты еще хуже за их...

Успокоившись немного, он сказал:

– А шё, ребята, никто не видел этого раззяву Сашу?

– Не волнуйся, Дзюбин, – сказал санитар Гладышев, – среди убитых его нет.

– Кто волнуется? – огрызнулся Аркадий. – Я волнуюсь не о нем, я волнуюсь об том, шёб он почистил пулемет.

Мы пошли на ночевку в темный еловый лес за деревней. Поспать, поспать! – вот от чего мы никогда не могли отказаться. Мы растянулись на мягкой толстой хвое. Едва прильнули мы щеками к изголовьям – ранцам, каскам, противогазам, – как тотчас впали в длинный и крепкий, как в детстве, сон.

Один Аркадий не спал. Он бродил меж деревьев, склонялся над бойцами и пускал им в лицо луч своего фонарика. А если кто просыпался, Аркадий спрашивал:

– Извиняюсь, вы, часом, не видели моего дурня?

Он вышел на опушку леса и стал здесь, опершись на пулемет и беспокойно вглядываясь вдаль своими маленькими повелительными глазками. Плащ-палатка, эта защитная мантия, скульптурными складками ниспадала вокруг его длинного, тощего тела. Так простоял он всю ночь. А утром появился Саша.

– Живой! – с возмущением сказал Аркадий. – Где ты пропадал всю ночь? Почему бросил грязный пулемет?

Гигант робко сказал:

– А меня увезли к командиру.

– К какому командиру? Шё, ты не можешь говорить быстрее?

– К командиру полка.

– Майору Чернову?

– М-гм.

– Зачем?

– А он хотел меня видеть.

– Зачем? За-чем? Ты понимаешь русский язык?

– А он мне сказал: «Молодец, товарищ Свинцов, хорошо дрался, грамотно дрался».

– А шё ты такое сделал?

– А я поклат немножко фашистов в рукопашной.

– Сколько?

– А я семерых поклат.

Аркадий молча смотрел на Сашу.

Саша виновато переминался на своих слоновых ногах, бормоча:

– Пулемет-то я сейчас почищу, так уж вышло, понимаешь...

– Не, кроме шуток, семь штук?! – закричал Аркадий, и его худое надменное лицо расплылось в довольную улыбку. – Вот это да! Вот это спасибо! Поддержал марку пулеметного расчета.

И своей длинной тонкой рукой он крепко потряс тяжелую Сашину руку. Гигант покраснел от радости. Похвала друга была для него, пожалуй, не менее дорога, чем боевая медаль, к которой он был представлен за это дело.

На следующий день, когда отражали контратаку, Аркадия и Сашу постигла неприятность. Снаряд разорвался возле них. Они окликнули друг друга:

– Жив?

– Жив?

Потом они поднялись, стряхивая с себя землю, и разом вскрикнули в гневном изумлении: кругом валялись исковерканные остатки пулемета, их дорогого «примуса», как они его называли.

Запасного пулемета в этот момент под рукой не оказалось. Надо было ждать, пока доставят новый из тылового склада. А пока что лейтенант Рудой приказал Аркадию взять винтовку.

– Дожил на старости лет, – горько сказал Аркадий.

А к ночи, пошептавшись о чем-то с лейтенантом, он исчез.

Теперь для Саша наступило время тревожиться и не спать всю ночь и в тоскливом волнении бродить по лесу, разыскивая Аркадия, а может быть, его бездыханное тело.

Но час Аркадия Дзюбина еще не пробил.

На рассвете он появился. Вид у него был измученный, но довольный. За спиной висел немецкий ручной пулемет. Он стал было рассказывать Саше о своих ночных похождениях. Но рассказ плохо давался Аркадию. Он падал от усталости. Вскоре он пошел в землянку и лег спать.

А Саша разостлал под деревом кусок брезента и положил на него пулемет. Собралась кучка бойцов, с интересом приглядываясь к незнакомому оружию.

– Не нравится мне этот примус, чудной какой-то, – пробормотал Саша.

Тем не менее он ловко и быстро разобрал его. Отсутствие инструмента не мешало ему. Он отвернул ствол голыми пальцами, которые, казалось, были не менее крепки, чем сталь пулемета.

– А як же Аркадий достав цей кулемет? – спросил Окулита, наводчик из другого пулеметного расчета. В голосе его была профессиональная зависть.

– Спроси его, – холодно сказал гигант.

Он был обижен тем, что Аркадий не взял его ночью с собой.

Он придвинул к себе банку со щелочью и опустил в нее конец ствола. Потом навертел на шомпол аккуратную подушечку из пакли, осторожно ввел ее в канал ствола и принялся водить шомполом взад-вперед, с удовлетворением прислушиваясь к аппетитному чавканью, какое издавала мокрая пакля, снуя по стволу.

Потом он поднял ствол и заглянул в него одним глазом, как в подозрную трубу.

– Я б тому немцу дал четыре наряда за небрежное хранение оружия, – сердито сказал он.

Из землянки вылез Аркадий. Он спал не более часа, но был свеж и весел. На губах его играла обычная насмешливая и слегка надменная улыбка. Он с удовольствием подставил лицо под еще не жаркое солнце. В руках у него была консервная банка, и он то и дело запускал в рот ломти сочного жирного мяса. Самодовольно улыбаясь, он посмотрел на пулемет.

– Дэ ж тоби, Аркадий, высторчило цей кулемет? – спросил Окулита.

– Личный подарок генерал-фельдмаршала фон Лееба, – сказал Аркадий, зевнув.

– Я ж тэбэ справди пытаю.

– Ну как такие вещи достаются, дружок? Одним солдатом в фашистской армии меньше, одним пулеметом в Красной Армии больше. Конечно, до нашего примуса ему далеко. Но зато дорог как память.

– Что меня не взял с собой? – сурово сказал Саша.

– Тебя?

Аркадий посмотрел на Сашу с веселым озорством. Гигант беспокойно заерзал, предчувствуя недоброе. И действительно, Аркадий продолжал, повысив голос, чтобы привлечь к себе внимание:

– Тебя? Шёб ты мне своим сопеньем разбудил всю фашистскую армию? Саша, дружок, расскажи человеку, как ты один раз поднял на ноги целую германскую дивизию СС.

– Трепаться-то брось, – сказал Саша, покраснев.

Но Аркадий, у которого всегда была в запасе какая-нибудь издевательская история о Саше, продолжал:

– Сашенька наш где-то в бою достал трофейный маузер. Знаете, такой здоровецкий, как пушка. И красивый, никелированный, с какой-то немецкой надписью. Шикарная вещь. Ему сколько раз меняться предлагали. Но Саша ни в жисть не хотел расстаться со своим маузером. Только ему никак не удавалось из него стрельнуть. Он же в атаку идет без оружия, он клепают фашистов кулаками. Сами видите, мальчик здоровый.

Кругом засмеялись. Санитар Гладышев, мужчина серьезный, обстоятельный, сказал неодобрительно:

– Ну, пошел гвоздить своего дружка.

Саша пригнулся к Аркадию и сказал угрожающе:

– Говорю, трепаться-то брось!

Аркадий, не слушая, продолжал:

– Ну так вот, как-то на нашем участке было затишье, и Саша решил попробовать свою пушку. Он потопал куда-то далеко в лес. Там он, значит, сорвал беленький цветочек, нежненький такой, ромашка чи шё, и прицепил его к дереву вместо мишени. Ну хорошо. Сам отошел шагов на тридцать, нагнул свою умную голову, прицелился и пальнул. А у маузера, знаете, звук здоровый, как у хорошей морской шестнадцатидюймовки, честное слово. А Саша пальнул еще раз и еще раз. Все не мог в свою ромашечку попасть. И вдруг с левого фланга как жажнули немецкие минометы – они в полукилометре стояли. А за минометами как вдарили пулеметы. А немецкая полковая артиллерия услышала этот шум и тоже давай крыть. Даже, кажется, авиация вылетела и бомбила. И все по этой ромашке и по Саше. Они, наверное, подумали на Сашин маузер, шё это мы артподготовку повели перед наступлением. Так Саша еле живой из лесу притопал. И сейчас же давай менять маузер. Ну конечно, цена на него после такого случая здорово упала. Шё вам говорить! Саша отдал свою пушку за пятьдесят граммов махорки. И знаете, шё я вам скажу? Он сделал хорошее дело. Так, на вид, маузер был ничего. Но если покопаться, так у него не доставало самой главной части.

Аркадий интригуяюще замолчал, ожидая вопроса. Но никто не решался спросить, зная каверзную манеру Аркадия ошарашивать ехидным ответом.

Не выдержал сам Саша.

– Что выдумываешь? – сказал он. – Маузер-то был в полном порядке. Кака така главная часть в нем не доставала?

– Кака? – сказал Аркадий, торжествующе блеснув глазами. – А какая главная часть каждого оружия? Главная составная часть каждого оружия, дружок, – это голова его владельца. Вот этого твоему маузеру и не хватало.

Как всегда, поднялся хохот. Аркадий, смеясь, глянул на Сашу, ожидая увидеть то беспомощное и растерянное выражение, которое он так любил вызывать на грубом и милом лице своего друга.

Но, против обыкновения, Саша-с-Уралмаша оставался спокоен. Он отложил в сторону собранный и смазанный пулемет, основательно оперся своей широкой спиной на ствол сосны и посмотрел на Аркадия даже с некоторым вызовом.

– Вот, ребята, – сказал Саша, – Аркадий-то про меня байки рассказывает. А пускай он вам лучше свои-то сапоги покажет.

Аркадий быстро подобрал ноги. Однако все успели заметить, что он обут не в обычные свои яловые сапоги, а в старые ботинки с обмотками.

– Видали? – сказал Саша. – Аркадий, расскажи, желанный, человеку, – в каком это месте ты свои сапоги-то посеял? Не хотишь? Дак я сам, пожалуй, расскажу.

– Шё ты людям голову морочишь! – вскричал раздосадованный Аркадий. – Людям через час в бой идти.

– Давай, Сашка! Рассказывай! Вали! Крой! – закричали со всех сторон.

– Вчерась ночью Аркадий пулемет, видали, приташил. Это он немецкого часового тюкнул втихую. Ну и задал стрелкача. А немцы хватились – и за ним в погоню. А он от них сиганул куды-то влево. И чувствует – идти не может. Кто-сь его за ноги держит. И молчит. Он того финкой пыряет. И финку обратно не взять. Тот финку хватает и держит. И ноги держит. И молчит. Что за нечистая сила! «Ну, – думает Аркадий, – вот я его сейчас!» И лопатой его – жах! А он лопату хватает и держит. И финку держит. И обе ноги Аркадия держит. И молчит. Тут Аркадий, на что храбрый воин, взвыл с перепугу-то, да как рванется – и чуть ноги из зада не вырвал, ей-богу!

– О-го-го! – хохотали кругом. – Ну и что?

– Вырвался и побежал. Только чувствует – бежать-то легко-легко. Смотрит себе на ноги – ноги-то босые. Сапоги у того остались. У молчаливого.

– А кто ж то был?

– Болото! Это Аркадий с болотом всю ночь резался. А болото молчало. Оно, брат, хитрое.

Бойцы покатывались со смеху. Громче всех смеялся Саша. Видимо, он был очень доволен, что сумел поддеть Аркадия. В конце концов и Аркадий махнул рукой и расхохотался.

Долго катился по лесу, вспугивая белок и птиц, крепкий, солдатский смех, такой раскатистый, такой неудержимо веселый, словно всем этим людям не предстояло через какой-нибудь час идти в жестокий бой, откуда многим из них (и они знали это) не суждено было вернуться живыми.

4

Мне пришлось уехать в другие части Ленинградского фронта, и я надолго потерял из виду Аркадия и Сашу.

Пришел октябрь, пришли с ним туманы. Они не принесли облегчения. Напротив, немцы избегали летных дней, они не любили встречаться с нашими истребителями. А в тумане им легче удавалось прошмыгнуть к Ленинграду и среди дня набросать бомб.

В тот день, когда я снова встретил Аркадия и Сашу, погода выдалась на редкость хорошая. Солнце, ясное бледно-голубое небо, видимость километров на двадцать. И все же немцы прилетели. Но то был особенный день.

Аркадий и Саша, гремя подкованными сапогами, шагали по улице Желябова.

Внезапно заревели гудки, над городом пронесся трескучий и хриплый вой воздушной тревоги. Улицы опустели. Остановились трамваи. Город стал похож на кинокартину в тот момент, когда она рвется и неподвижно застывает на экране.

Высоко в небе кто-то невидимый быстро чертил белые пушистые полосы. Там, на страшной высоте, реяли над Ленинградом фашистские самолеты. Раздались первые разрывы зениток.

Оба фронтовика не спеша шагали по пустынной улице, с хладнокровным любопытством оглядываясь по сторонам. Они были в касках, широкие штыки висели у них на поясе, сапоги были покрыты рыжей пылью фронта. Они прибыли с передовых. В те дни на это требовалось не более часа времени.

Мы поздоровались, и Аркадий сказал:

– Ну шё вы скажете на этот шум? А мы приехали за боеприпасами. Так пока они грузятся, мы решили сходить в универмаг. Ребята просили кое-что привезти, лезвия для бритвы, знаки различия, подворотнички и прочее. Мне лично нужны струны на мандолину. Между прочим, вы не забыли, какое сегодня число? Сегодня...

В эту минуту раздался оглушительный взрыв. Зазвенели стекла. Нас хлестнула воздушная волна. Мы вскочили в подворотню. Недалеко за домами поднялся багровый столб дыма. Раздались еще три взрыва. Под ногами качнулась земля.

– Четверку положили, жабы, – пробормотал Аркадий.

Он посмотрел на меня со значительным видом и сказал:

– Так сегодня мы имеем пятнадцатое октября...

Неистово грохотали зенитки. Железный дождь осколков стучал по крышам. Да, это была работа для ушей! Тонко и прерывисто звенели в вышине немецкие самолеты. Изредка слышалось глухое уханье падающих бомб. Со стороны залива мощно рывкала морская артиллерия. Сквозь этот грохот доносилась отдаленная пальба фронтовых орудий.

В этот день – пятнадцатого октября сорок первого года – генерал фон Лееб поклялся взять наконец Ленинград. Правда, он передвигал этот срок трижды. Но никогда еще фашистские полчища не подходили к городу так близко.

Двадцать германских дивизий рвались к Ленинграду отовсюду. Это были лучшие полки, старые вояки, покорители Норвегии, Франции, Крита. Впереди шли отборнейшие из отборных – эсэсовские отряды с мертвыми головами на рукавах и с жадой убийства в сердцах. Ничто в Европе до сих пор не могло противостоять им. Они уже видели смутные очертания города.

Да! Видение города стояло перед ними, видение богатого, прекрасного города. Сотни танков грохотали по всем дорогам, ведущим к Ленинграду.

Город напрягся в героическом усилии. Рабочие, служащие, штатские люди, официанты ресторанов, счетоводы, регистраторы жилищных отделов влились в отряды народного опол-

чения. В трамвае они прибывали на фронт и, вооруженные бутылками с горючим, кидались навстречу танкам.

Балтийские моряки сошли с кораблей в окопы. Они шли в атаку во весь рост, забрасывая немцев гранатами и поощряя друг друга лихим морским свистом. И эсэсовские полки, носившие пышные названия – «Великая Германия», «Север», «Адольф Гитлер», – попятились перед этим неслыханным натиском.

К западу от города бился латышский полк. Латыши дрались стойко, верные своей национальной традиции не отступать, еще более молчаливые, чем всегда. Летчики кидались в неравные бои, каждый из них насчитывал по несколько сбитых самолетов. Зенитки работали без смены, и весь Ленинград повторял имя лейтенанта Петюнина, маленького, веснушчатого, с простуженным голосом, – он сбил в течение дня семь «юнкерсов», одного за другим.

Всеми этими частями командовал в те дни генерал Федюнинский, герой Халхин-Гола. Плотный, черноусый, со смелыми, насмешливыми глазами, он попевал всюду, где кипел бой. Судьба хранила его. Несколько раз снаряды взрывались на том месте, где минуту назад был он. Этот невиданный бой достиг наибольшего напряжения к середине дня пятнадцатого октября, когда Аркадий и Саша вышли из универмага, нагруженные покупками.

Машина их еще не была готова. Они прошли по городу. Саша раза два звонил кому-то по автомату, «Есть у меня тут землячок один, – сказал он удивленному Аркадию, – да вот дома его все нет...»

У Финляндского вокзала они увидели памятник. Он был обложен мешками с песком. Милиционер объяснил фронтовикам, что это памятник Ленину. Ильич стоит на броневике и, простерши руку, держит речь к народу.

Друзья постояли возле памятника, стараясь вообразить его очертания.

Аркадий сказал задумчиво:

– А все-таки хорошо, что Ильич укрыт от осколков.

– Хорошо, – согласился Саша.

– А все-таки жаль, что он нам не виден.

– Жаль, – подтвердил Саша.

Они помолчали, и Саша сказал запинаясь:

– Слышь, Аркадий, что думается мне. Думается мне: Ильичу-то глянулось бы, как мы бьемся за его город. Право!

Он замолчал, боясь насмешек Аркадия, который не выносил никаких чувствительных разговоров.

Аркадий молчал. А потом он сказал, скрипнув зубами, как он это делал в минуту сильных переживаний:

– Раньше, Сашка, я страдал, шё воюю не под Одессой. А теперь мне страшно нравится, шё я не даю этим жабам войти в город Ильича.

Они пошли дальше, и Саша снова побежал к автомату.

Аркадий решил проверить эту таинственную историю. Он подкрался к телефону и прислушался.

Саша с трудом втиснул себя в будку. Он растерянно мял трубку в огромном кулаке и орал:

– А где же она?.. А в той артели есть телефон?.. А когда она вернется?

Непрекращающийся гул артиллерии мешал ему слушать.

Он вышел, и Аркадий немедленно заявил ему:

– А твой землячок, оказывается, в юбке?

Саша смущенно засмеялся и вынужден был признаться, что у него есть здесь знакомая, как он выразился, «барышня», по имени Тася, и что он с ней познакомился месяц назад, когда приезжал в Смольный для получения своей боевой награды из рук члена Военного совета фронта.

Они достигли Невского и здесь поглазели на «Окна ТАСС» в витрине Гастронома № 1. Постояли, качая головой, у огромной воронки возле Александринского театра. Почитали расклеенное на домах объявление Ленисполкома, которое предписывало всем магазинам, парикмахерским и столовым во время воздушной тревоги не прекращать работы.

Потом они подошли к кафе «Астория». Обычно в это время здесь стояло много людей в очереди на обед. Сейчас из-за тревоги очередь разбрелась по соседним убежищам и по блиндажам, вырытым в сквере напротив «Астории». Друзья зашли в кафе.

Здесь было много народу. Свободные столики были только возле окон, где обычно избегали садиться во время тревоги. Аркадий и Саша сели у окна и огляделись. На столиках мягко светили лампы под шелковыми колпаками. Высокие окна снаружи были наглухо забраны досками, а изнутри завешены тяжелыми портьерами, и пулеметчикам казалось, что здесь необыкновенно уютно. Они попросили обедать, и заведующая из уважения к их фронтовому виду поставила им по бутылке пива.

Грохот зениток иногда удалялся, становясь еле слышным. И тогда бойче начинала звенеть посуда, громче звучали разговоры и смех. То вдруг огонь зениток приближался, и тогда все в кафе стихало, прислушиваясь.

Сквозь стены пробилось жужжание мотора, тонкое, настойчивое. Зенитки загрохотали сильно и часто. Видимо, палили с соседних крыш. Потом раздался свист, тот тонкий воющий, умопомрачительный свист, с каким бомба, падая, раздирает воздух. Он нарастал секунду, две, три... Где-то разбилась тарелка, упал стул.

И потом – страшный грохот, словно раскололось небо. Дом качнулся. По полу пробежала волна. Все сбегали в убежище. В кафе кроме Аркадия и Саши остались два лейтенанта, громко и наперебой вспоминавшие какое-то дело под Кингисеппом, пожилой актер, уплетавший свой суп с азартом изголодавшегося человека, да капитан-связист, который тщетно пытался заказать обед. Заведующая несколько нервничала и плохо его слушала. Пользуясь ее подавленностью, Аркадий раздобыл еще пару бутылок пива.

Поев, друзья закурили. Аркадий, разомлевший от пива, нежно бормотал:

– Нас с тобой, Саша, ничего не берет. Ни снаряд, ни пуля, ни мина, ни бомба. Тьфу, тьфу, шёб не сглазить. А жаль будет после войны расставаться. Я к тебе очень привык, Саша.

– И я к тебе, Аркаша, – с чувством сказал гигант.

– А зачем нам расставаться? – воскликнул Аркадий. – Разве черноморский грузчик и рабочий с Уралмаша не могут жить вместе? У нас в Одессе, знаешь, если дружат, так дружат до отказа.

Саша слушал с восхищением. Бесконечные рассказы Аркадия привели к тому, что у Саши сложилось представление об Одессе как о сказочной стране, где под вечно голубым небом, среди благоухания цветов живет великодушное, счастливое и богатырское племя одеситов.

– Так смотри же, возьми меня после войны в Одессу, – сказал Саша.

– Будь спокоен, – сказал Аркадий. – Я из тебя сделал классного пулеметчика? Так я из тебя сделаю классного грузчика.

Он хлопнул гиганта по плечу и пошел к телефону позвонить насчет машины.

Из артсклада ответили, что машина тронется не раньше двадцати четырех ноль-ноль.

Друзья задумались, как бы им убить время до полуночи.

– А шё, если нам потопать до твоей знакомой девушки? – предположил Аркадий. – Или она встретит нас мордой об стол?

Саша обиженно возразил, что девушка его приглашала и что он ей, по-видимому, не противен.

– Смотрите на него! – с восхищением воскликнул Аркадий. – У него есть девчонка! Она в него безумно влюблена. И он это скрывал.

Когда они вышли на улицу, тревога кончилась. Трамваи зажигали свои синие огни. На вечернем небе рисовался шпиль Петропавловской крепости, затянутый в защитный чехол. Улицы были полны народа, шли служащие из учреждений, школьники из вечерних смен. На перекрестках девушки-милиционеры регулировали фонариками уличное движение. Пятнадцатое октября кончалось, и Аркадий, толкнув Сашу под локоть, сказал, насмешливо сощурившись:

– Ну, Саша, шё-то я не замечаю в Ленинграде генерал-фельдмаршала фон Лееба, а?

5

Недалеко от зоопарка друзья вышли из трамвая. Саша остановился у большого дома и сказал:

– Это, думается, здесь.

Они поднялись на шестой этаж по темной лестнице, не подметавшейся, видимо, с начала войны.

Дверь открыла им маленькая большеглазая девушка.

– Это она, – шепнул Саша своим громоподобным шепотом.

Девушка удивленно взглянула на него.

– Вам кого? – спросила она.

Саша смущенно закашлялся.

– Здравствуйте, Тася, – сказал он.

Девушка пожала худенькими плечами.

– А вы, простите, кто? – снова спросила она.

– Ты не ошибся? – сказал Аркадий.

– Нет, это она, – ответил Саша.

Девушка недоуменно переводила свои большие светлые глаза с одного пулеметчика на другого.

– Вы – Тася, – решительно сказал Аркадий, – а он – Саша. Вы же его знаете. Саша-с-Уралмаша. Он мне про вас уши прожужжал. И, я вижу, стоило жужжать. Шё ж вы нас держите в дверях? Мы специально с фронта приехали, шёб вас повидать.

Тася засмеялась и смахнула со лба белокурую прядь.

– Ну что ж, – сказала она, – заходите, раз вы уж здесь.

Они пошли по длинному полутемному коридору, освещенному синей маскировочной лампочкой.

Саша плелся сзади, повесив голову. Она его забыла! Она забыла те блаженные пять минут на задней площадке трамвая, когда он передал ей билет, а она кивнула головой и сказала: «Спасибо». А потом сошла, посмотрев на него, только на него из всех, кто был в вагоне, и он поднял оброненную ею открытку и потом опустил ее в ящик, но предварительно заучил наизусть ее телефон и адрес ее квартиры, той самой, по которой они сейчас шествуют – он сзади, а она и Аркадий впереди, весело разговаривая и смеясь. Как забывчивы девушки!

Тасина комната оказалась маленькой, но уютной. Друзья осторожно уселись на узенькой тахте. На стене висели фотографии немолодой женщины и девочки лет двенадцати. У обеих были такие же большие светлые глаза, как и у Таси. Был там также портрет М.И. Калинина и копия с картины «Расстрел 26 комиссаров».

«Приличная девушка», – одобрительно подумал Аркадий.

На столе лежали раскрытая тетрадка, циркуль и учебник по геометрии.

«Интеллигентная девушка», – с уважением подумал Аркадий.

Он учтиво осведомился, чем занимается Тася.

Она рассказала, что работает в артели по изготовлению металлической галантереи, брошей, пряжек и пр.

Она сняла с полки маленького скачущего оленя из отполированной стали.

– Это моя работа, – сказала она, нагнув набок голову и любуясь оленем, – называется: клипс. Надевают это на хорошее платье, знаете, в театр или в гости.

Аркадий шумно восхитился:

– Блеск! Высокий класс, кто понимает! Для дам высшего полета! А, Саша?

– Дак кому это сейчас в голове, – простодушно сказал Саша.

Аркадий посмотрел на Сашу с горьким сожалением и, повернувшись к Тасе, выразительно развел руками: мол, что с него возьмешь, не понимает, пень!

Но Тасю, казалось, короткое замечание Саши задело за живое.

Поколебавшись, она сказала:

– Сейчас, конечно, мы делаем другое... Мы сейчас точим оболочки для ручных гранат.

Аркадий свистнул со значительным видом: вот, мол, вы какими важными делами занимаетесь!

– А семья ваша, извиняюсь, тут же? – осведомился он, все так же учтиво тараща глаза на Тасю.

– Эвакуировалась мама с сестренкой, – сказала Тася грустно.

Аркадий сочувственно покачал головой.

– И вам надо уезжать, Тася.

– Уехать из Ленинграда? Нет, что вы, что вы! – вознегодовала девушка.

Она нетерпеливо смахнула русые волосы, напоздавшие ей на глаза, и посмотрела на Сашу.

Он не отводил от нее глаз. И столько было в них неприкрытого любования, что Тася покраснела, отвернулась и принялась убирать со стола тетради и книги.

– Науками занимаетесь? – почтительно заметил вежливый Аркадий.

– Закрылась наша вечерняя школа, – огорченно сказала Тася.

– Ц-ц-ц! – соболезнующе зацокал языком Аркадий.

– Я ведь до восьмого дошла, – с гордостью добавила Тася.

– Что вы говорите?! – воскликнул Аркадий с таким восхищенным изумлением, словно Тася сообщила ему, что она избрана действительным членом Академии наук.

– Вот, чтобы не забыть, сама прохожу, – сказала она смущенно и уселась под окном.

Аккуратный вид комнаты портила фанера, вставленная в окно вместо стекол.

– Сегодня вылетели, – сказала Тася, – фугаска упала совсем рядом, в зоопарке. Говорят, убило слона.

Из коридора доносились голоса, скрипы дверей, топот детских ножек, бренчанье кастрюль, кто-то играл на фортепьяно. На друзей повеяло полузабытым за время войны милым теплом домовитости. На минуту им взгрустнулось...

Но меланхолия не была в характере Аркадия Дзюбина. Он тряхнул головой и вскричал, насмешливо блеснув глазами:

– Я вас спрашиваю: так нужно было тому слону уезжать в Ленинград из своей родной Австралии чи Патагонии, где ему жилось, наверное, довольно недурно?

Тася засмеялась. Она оказалась хохотушкой. Живописные остроты Аркадия смешили ее до упаду. Она включила электрический чайник и выложила на стол несколько тоненьких ломтиков хлеба. Поколебавшись немного, она прибавила к ним три кусочка сахара из своего скудного ленинградского пайка. Она с некоторой гордостью посмотрела на стол – он ей показался пышным.

– Угощение просто царское, – вежливо ввернул Аркадий.

– Кушайте, кушайте, – сказала Тася, – вы приехали с фронта, вам надо подкормиться.

«Добрая девушка», – подумал Аркадий. Он подмигнул Саше, и они принялись извлекать из своих объемистых карманов жестянки с консервами, галеты, сырки в серебряных бумажках и прочие дары богатого и щедрого фронта.

Аркадий говорил не умолкая. Он говорил о Саше. Он снова рассказал историю о маузере и о том, как Саша приехал верхом на фашисте, и много других. Но теперь он рассказывал все это, не издеваясь над Сашей, а, напротив, выставляя его храбрым, благородным и проницательным человеком.

Но Тасю интересовал не столько герой этих историй, сколько их рассказчик. Так, по крайней мере, казалось Саше Свинцову. Действительно, она смотрела на Аркадия во все глаза. Сногсибательные остроты Аркадия, черные стрелы его усов, его одесская, несколько старомодная галантность и даже его черноморское произношение, певучее и намеренно небрежное, поражали ее. Она никогда не видела таких людей. И чем красноречивее распространялся Аркадий о достоинствах Саши, тем с большим восхищением смотрела Тася на Аркадия, посадивая горьковатый и необыкновенно вкусный шоколад, выложенный солдатами на стол.

Вдруг зашипел репродуктор. Девушка со страхом уставилась в его черную тарелку. И репродуктор проскандировал торжественным насморчным голосом:

«Граждане, воздушная тревога...»

А с улицы сквозь фанеру уже пробивался жалобный вой гудков.

– Господи, – вскричала Тася с тоской, – десятый раз сегодня! Что это за день такой!

Она пошла к дверям.

– Куда вы? – сказал Аркадий.

– В убежище.

– Смысл?

– Вы забыли, что мы на шестом этаже?

– Самый безопасный этаж.

– Знаете, мне не до шуток.

– Я вам серьезно говорю. Бомбы взрываются в самом низу. А верхние пять этажей они протыкают, как пирог. Поверьте мне: в чем, в чем, а в бомбах я немножко разбираюсь. Саша, скажи же девушке словечко, шё ты сидишь, как жених!

Аркадий взял Тасину руку и, нежно поглаживая ее, продолжал молоть всякий смешной вздор. Тася улыбнулась, ей стало спокойно, хотя она продолжала вздрагивать при каждом выстреле зениток.

Она сказала, отняв руку и взглянув на Сашу:

– Знаете, у нас в квартире живет один старичок. Он, между прочим, никогда не спускается в убежище. Он профессор математики. Так он вычислил, что Ленинград занимает около ста квадратных километров. Потом он подсчитал, сколько места на этой площади занимает его тело. И в общем у него получилось, по теории вероятностей, что есть только одна десятиллионная часть возможности, чтобы бомба попала именно в него. И он никогда не спускается в убежище.

– Молодец! – сказал Аркадий.

Страшный грохот потряс дом.

– Нет, нет! – закричала Тася. – Я не могу!

И она выбежала.

– Мы вас проводим, – галантно сказал Аркадий.

В убежище было много народу. Некоторые спали, растянувшись на скамьях, а то просто на полу. Двое сонных мужчин и одна девушка играли в домино. Девушка бойко стучала костяшками с видом бывалой посетительницы убежища. В углу плакал бледный ребенок на руках у матери. Маленький старичок в золотых очках пробирался, осторожно ступая между спящими.

– Профессор! – окликнула его удивленная Тася. – Вы здесь? Ведь вы же говорили, что по теории вероятностей...

– Мало ли что я говорил, – ворчливо перебил ее старик. – На весь Ленинград был один слон, и его сегодня разбомбило. Какие уж тут, матушка, теории...

Он махнул рукой и пошел дальше.

Аркадий, Саша и Тася пробрались в дальний угол.

Здесь был свободный краешек скамейки. Тихо сопели мокрые водопроводные трубы. С улицы изредка доносилось заглушенное уханье, иногда вздрагивали стены. Тася уселась. Аркадий скомандовал:

– Саша, сидай.

И сел сам рядом с Тасей. И сразу принялся болтать, пересыпая речь остротами и анекдотами. Саша стоял рядом, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Тася то и дело всплескивала руками и восклицала:

– Ой, не могу!.. Подумайте, надо же!.. Да ну вас!

И заливалась таким звонким, веселым смехом, что ей самой становилось стыдно. («В таком месте смеяться!») Она зажимала рот рукой. Но смех прорывался сквозь пальцы и, удивившись о низкие бетонные своды, гулко разносился по подвалу. И далеко по углам люди, заслышав его, хоть и не видя, кто смеется, улыбались и становились бодрее, словно глотнули свежего воздуха.

– Ой, а где же Саша? – хватилась Тася.

Она с беспокойством огляделась по сторонам. Но гигантской фигуры Саши нигде не было видно.

– Пропал ребенок, нашедшего просят считать своим, – проговорил Аркадий, скорчив шутовскую гримасу.

Тася нехотя улыбнулась. Аркадий начал рассказывать историю о некоем внезапно скончавшемся зубном враче, на свежую могилу которого родственники временно положили табличку, снятую с его дверей.

– И вот, понимаете, Тасенька, топает по кладбищу одна старушенция и видит на могилке: «Зубной врач Н.Н. Абрамов, прием от двух до семи». Представляете? Но слушайте, что было дальше. Старушеницу аж затрясло...

– Все-таки я не понимаю, – прервала его Тася, – куда мог деваться Саша? Неужели он ушел?

Аркадий, обиженный тем, что его оборвали на самом эффектном месте, ответил раздосадованно:

– Шё, вы Сашу не знаете? Медведь с его зимней спячкой – ребенок перед ним! Ночью, днем у нашего Сашеньки одна думка: добраться до чего-нибудь горизонтального и покемарить минуток шестьсот. Если хотите его видеть, пошukaйте где-нибудь под скамьями.

Разделавшись таким образом со своим лучшим другом, Аркадий повел рассказ дальше:

– Так я, значит, продолжаю за тую старушеницу. Как увидела она на могилке: «прием от двух до семи»...

Тася слушала его рассеянно.

Где же был Саша?

Когда Аркадий сел рядом с Тасей и они принялись болтать, сблизив головы и смеясь, гигант постоял немного над ними, шумно вздохнул и незаметно для них вышел во двор.

Ночь была ясная. По небу ходили лучи прожекторов. Где-то недалеко горело, стена дома была розовой. Саша с наслаждением вдохнул чистый воздух и закурил папиросу. По двору скитались молодые парнишки в асбестовых капюшонах – бойцы противопожарной охраны. Близко зажужжал самолет. Саша тревожно вслушался. Привычным ухом он распознал звук «Юнкерса-88». По крыше что-то часто застучало.

Один из парнишек авторитетно сказал:

– Спикировал. Пулеметом кроет.

– Какой там, к черту, пулемет! – закричал Саша. – Он к вам на крышу зажигалок набросал.

Он подбежал к пожарной лестнице и быстро вскарабкался наверх. Там занималось ослепительное пламя.

Крыша была покатая, по краю шел заборчик. Саша перемахнул через него и пошел на пламя. Чтобы не упасть, он широко расставил ноги и сильно наклонял вперед свой тяжелый торс. Иногда он касался кровли руками. Наконец добрался он до пламени. Двое парнишек, пыхтя, засыпали его песком. Саша взял у одного из них лопату.

– У меня-то дело, пожалуй, побыстрее пойдет, – пробормотал он.

И действительно, он загребал с одного маху столько песка, что через несколько секунд огонь погас.

Он побежал к другому очагу. Здесь дело было посерьезнее. Железо крыши прогорело, занимались стропила. Маленькая немолодая женщина сутилась вокруг пожара. Она попыталась залить его водой. У нее не было сил удержать тяжелый шланг, и она то и дело опускала его. Дыра на крыше ширилась. Обнажилась большая деревянная балка. Она дымилась.

– Сейчас проломит потолок. Ой, что будет! – кричала женщина.

Саша сорвал с женщины асбестовый капюшон и напялил его себе на руки. Он подвел руки под балку и сильно рванул ее. Балка скрипнула и подалась. Гигант поднял это пылающее бревно и швырнул его вниз, на улицу. Женщина, подняв голову, с восхищением смотрела на Сашу. Он казался ей сказочным богатырем.

– Иди, мать, вниз! – крикнул ей Саша. – Не ровен час сметет тебя воздушной волной.

Он побежал по крыше. Он действовал лопатой и ломом, а иногда просто руками и потушил еще несколько пожаров. Он тушил их с той силой и рассчитанной ловкостью, с какой делал всякую физическую работу.

Потом он спустился во двор. Здесь он тщательно почистил гимнастерку и брюки. Под краном он вымыл руки, лицо и причесался.

Несколько ребят из противопожарной охраны подошли к нему и спросили его имя.

– А зачем вам?

– Мы хотим объявить вам благодарность в приказе.

– Обойдется, – сказал Саша и побрел в убежище.

Здесь все спали. Спала Тася, прислонившись к сырой стене. Дремал Аркадий, свесив голову на грудь.

Саша потряс его за плечо, Аркадий открыл глаза.

– Где ты был? – спросил он, зевая.

– Погулял.

– А! – сказал Аркадий.

Он посмотрел на часы и забеспокоился:

– А наши игрушки уже, наверное, кончают грузить. Пошли.

Он встал и посмотрел на Тасю.

– Пусть спит, – тихо сказал Саша.

Аркадий выгреб из кармана остатки конфет и положил их девушке на колени.

* * *

Ровно в двадцать четыре ноль-ноль друзья подошли к артскладу. Место в кабине занял воентехник второго ранга, сопровождавший груз. Аркадий и Саша сели наверху, на ящики с боеприпасами. Меня они устроили на почетном месте – под стенкой кабины, где ветер задувал не так сильно.

Мы ехали молча, глядя вдаль, на зарево пожара, бушевавшего на западе, в стороне Ораниенбаума. Поближе, в городе, пылал лесной склад. Пожар освещал нам путь. Артиллерия была не умолкая. С неба спускалась осветительная ракета на парашютике. Она горела нестерпимо ярко. Со всех сторон на нее накинудись зенитные пулеметы. Они прочерчивали ночь цветным пунктиром. Ракета потухла.

У заставы нас задержало нагромождение надолб. Мы медленно проехали по узкому коленчатому проходу, оставленному для машин.

Саша сказал:

– Она тебе глянулась.

– Кто? Таська твоя?! Да я этого добра...

Аркадий усмехнулся и пренебрежительно махнул рукой.

Мы обогнали часть, идущую на фронт. Бойцы оглядывались на нас. Они шли по обочинам дороги.

– И ты ей глянулся, – сказал Саша.

– Я? Здрасте пожалуйста!

Аркадий чувствовал себя немного виноватым. По обычаям рыцарской дружбы, господствовавшим в Одессе, он не имел права приударить за чужой девушкой. Кроме того, он видел, что гигант страдает, и ему захотелось утешить его.

Мы въехали в какую-то дачную местность. Канонада становилась глуше, пожары отдалились, от них остались только розовые отсветы на небе. Стало темней, и машина двигалась все медленнее.

– А она здорово влипла в тебя, Сашка, – сказал Аркадий, – она меня все расспрашивала, кто ты да шё ты, просто надоела.

– Трепаться-то брось, – неуверенно сказал Саша.

– А шё такое? Ты красивый из себя парень.

– Какой же я красивый! – слабо сопротивлялся Саша.

– Ты?!

Аркадий принялся с азартом доказывать Саше, что он очень красив.

– У тебя же представительная фигура. На такой шее, как у тебя, готова повиснуть любая девушка. Во всем взводе нет парня красивше, как ты.

Аркадий не переставал говорить. Он ругал Сашу за то, что тот якобы холоден с Тасей.

– Очень красиво, да? Завлек девушку и бросил.

Он говорил с Сашей то нежно, как мать говорит с заболевшим ребенком, то прикидывался ревнивым и клялся, что больше никогда не пойдет с Сашей к девушкам.

– Шёб я пропал! Это же немыслимое дело – иметь успех рядом с тобой.

Кое-как ему удалось затянуть рану на нестрадавшемся сердце гиганта.

Слегка запинаясь от стеснительности, Саша прошептал:

– Да разве я что говорю? Я сам вижу: таких-то девушек на белом свете одна-две – и обчелся. А уж какая красивая! Подумай, Аркадий, кабы не война, дак я ее и не встретил бы. Вот уж правда, кому – война, а кому – мать родна.

Гигант засмеялся тихим, счастливым смехом.

Мы проезжали мимо полуразрушенных дач, мимо заколоченных павильонов, мимо маленьких лодочных пристаней. Пахло морем. Справа был Финский залив. В темной дали его вспыхивали и гасли огни. То кронштадтские бастионы стреляли по ордам фон Лееба, обложившим Ленинград.

А Саша продолжал шептать. Темнота сделала его смелым. Впервые он раскрывал перед другом свою нежную, застенчивую душу:

– А уж как-то я люблю ее! Никому про то не скажу, ей не скажу, тебе одному говорю. Полюбил я ее враз и так сильно, так сильно, как в сейчасной жизни, наверно, уж никто и не любит. Знаешь, как я ее люблю? Почти что как тебя. Вот! Не пойму только, за что она меня-то полюбила? Верно, она тебе сказывала, ты с ней много говорил. Даки скажи мне – за что я ей так сильно глянулся? А? Чо молчишь-то?

Саша наклонился к Аркадию и заглянул ему в лицо.

Положив голову на ящик с ручными гранатами, Аркадий сладко спал.

Гигант тяжело вздохнул, скинул с себя плащ-палатку и заботливо укрыл Аркадия.

6

Машина вдруг остановилась. Было очень темно, только артиллерийские зарницы вспыхивали на небе. Мы услышали, как открылась дверь кабины, и потом – голос воентехника:

– А что, товарищи, кто-нибудь из вас знает точно, где штаб дивизии?

Аркадий мгновенно проснулся и ответил:

– Так я же давно удивляюсь на вас, куда мы едем, товарищ воентехник второго ранга. Штаб дивизии в больнице Фореля, в бывшем сумасшедшем доме.

– Вспомнили! – с досадой возразил воентехник. – Штаб еще вчера оттуда съехал.

Аркадий тихонько свистнул.

– Здравствуйте, – сказал он, – на один день нельзя смотаться с передовых, шёб шё-нибудь не случилось.

– Что же нам делать? – беспокоился воентехник.

Он немного нервничал. Он редко выезжал на фронт, и в эту грозную ночь осажденный и простреливаемый Ленинград казался ему отсюда тихой обителью. Он сложил руки коробочкой и закурил папиросу.

– Не курить! – раздался рядом голос.

Воентехник бросил папиросу и затоптал ее ногой.

– Пропуск! – сказал тот же голос.

Воентехник шепнул:

– Затвор.

– Ваши документы!

Зажегся синий фонарик, и мы увидели бойца с повязкой на руке и самозарядной винтовкой за плечом. Это был один из тех «маяков», которых выставляют части, квартирующие вдоль дорог. «Маяк» внимательно разглядывал наши удостоверения.

– Шё вы так долго копаетесь? – сказал Аркадий. – Шё, вы не видите: «Гуляй лихо»?

И он ткнул пальцем в буквы «Г. Л.», отштампованные на наших удостоверениях. Этот штамп ставили в штабе фронта. Буквы означали «Город Ленинград». Но в армии их называли не иначе как «Гуляй лихо». Они давали право на хождение круглые сутки где угодно. Увидев всемогущее «Гуляй лихо», «маяк» вернул нам удостоверения и откозырнул.

Оказалось, что штаб дивизии находится рядом. «Маяк» привел нас к большому дому. Здесь помещалась школа, которая так и не открылась после летних каникул. Мы спустились в подвал. Воентехник побежал сдавать боеприпасы, сказав нам, что мы свободны. Мы зашли в оперативный отдел, чтобы узнать, где сейчас расположен наш полк.

В отделе работали два командира. Здесь стояли парты, на стене висели слепок головы Зевса и два автомата.

Начальник отдела, высокий юноша с серьезным краснощеким лицом, с петлицами старшего лейтенанта, сказал нам, что полк находится в районе юго-восточнее Урицка.

– Нам, товарищ начальник, – сказал Аркадий, – в первый взвод четвертой...

– С полком уже два часа нет никакой связи, – с досадой перебил его начальник. – Товарищ Васильев, ориентируйте их по карте и наметьте им приблизительный маршрут, пускай добираются.

Васильев был его помощник, тоже старший лейтенант, но немолодой, в очках, видимо, из запаса. Он сидел рядом, под висячей лампочкой, и вычерчивал схему с обстановкой. За школьной партой он был похож на прилежного ученика. Он поднял на нас усталые глаза, потянулся и поправил большой трофейный вальтер, висевший у него на боку.

– Я очень извиняюсь, товарищ начоперотдела, – обратился к начальнику Аркадий, – но это не может быть, шёб наш полк отступил.

– Почему?

– Потому что им командует майор Чернов.

Краснощекий начальник посмотрел на Аркадия, на его худое воинственное лицо и улыбнулся, но ничего не ответил.

– Ну-с, – сказал Васильев, водя карандашом по карте, – сюда не суйтесь, эта дорога оседлана противником, эта тоже... Не знаю, может быть, вам двинуться с востока, через деревню Кашкино... Но здесь тоже обстановка не выяснена.

Дверь распахнулась и в комнату вбежал молоденький младший лейтенант.

– Для поручений при комдиве, – шепнул мне Аркадий, бывавший в штабе и раньше.

– От Чернова есть что-нибудь? – спросил младший лейтенант. Юное лицо его от возбуждения покраснелось.

– Ничего нет, – хмуро ответил начальник.

– Полковник приказал немедленно установить личную связь с Черновым! – пылко выкрикнул молоденький «для поручений» и исчез.

Начальник посмотрел на Васильева.

– Ну, видно, мне не спать третью ночь, – сказал Васильев и встал из-за парты.

– Придется, Григорий Иванович, – отозвался начальник, – кого попало к Чернову не отправишь.

– А на чем я поеду? – спросил Васильев, зевая.

Начальник посмотрел на Аркадия.

– Вы на чем приехали?

– На пятитонке с боеприпасами, товарищ начальник. Но она остается здесь.

– Поедешь, Григорий Иванович, на полуторке. Думаю, что вам есть смысл держать курс все-таки на Кашкино. И... будь осторожен.

– Охрану даешь?

– Так вот с тобой поедут эти три товарища. Ребята brave, – улыбнулся начальник.

– Они без винтовок, – сказал Васильев, – и один из них вообще корреспондент.

– Большое спасибо, не беспокойтесь, пожалуйста, – сказал Аркадий светским тоном, – у нас есть гранаты. А за корреспондента не волнуйтесь, он бывал в переделках.

Снова открылась дверь, и вошел лейтенант в красноармейской шинели, с автоматом за спиной. Он громко сказал:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться. Лейтенант Часиков, офицер связи, прибыл от майора Чернова.

– Наконец-то! – воскликнул начальник. – Ну, что у вас там, товарищ Часиков? Где вы?

– Юго-восточнее Кашкино. Разрешите доложить?

– Одну минуту. Вот что, товарищи, выйдите в коридор и подождите там.

Мы трое пошли к дверям.

– Полк отступает? – обратился начальник к лейтенанту.

Ответа мы не услышали, так как были уже в коридоре.

Нам пришлось простоять здесь довольно долго в ожидании отъезда. Офицера связи вызвали к комдиву для доклада. Потом туда понесли груды карт. Потом к комдиву вызвали старшего лейтенанта Васильева, и он торопливо проследовал по коридору, расправляя на ходу гимнастерку и потирая рукой свое усталое лицо, словно пытаясь расправить и его. Потом писали какую-то длинную бумагу, и «для поручений» носился по коридору, как маленькая буря, хлопая дверями.

Так что, когда мы у ourselves в пикап офицера связи, ночь уже кончалась.

Васильев поехал с нами. Часиков предложил ему сесть в кабину. Старший лейтенант отказался.

– Нет, знаете, в кабине тепло, и я там усну. А дорога беспокойная, надо наблюдать, – сказал он, влез в кузов, свирепо сдвинул брови и мгновенно заснул.

Начало светать, и пикапчик пошел довольно быстро. Но он часто останавливался, и офицер связи выходил и расспрашивал об обстановке встречных «маяков» и связистов. Потом места стали безлюдными. Дорога была изрядно побита бомбежкой. Виднелись совсем свежие воронки. Со столбов свисали провода, оборванные или перерезанные пулеметными очередями. Аркадий хмуро наблюдал эти грозные перемены и значительно взглядывал на Сашу. Саша качал головой.

Нас обстреляли неожиданно на развилке дорог. Мы прыгнули с машины и залегли в водосточной канаве. По счастью, она была довольно глубока. Стреляли из-за группы деревьев по ту сторону дороги, метров за двести от нее. Позади нас была открытая местность, ни одного кустика, только большой противотанковый ров шел далеко в обе стороны. Немцы стреляли из автоматов.

– Лейтенант! – сказал Васильев.

Он лежал рядом со мной. В глазах его, казалось, еще не совсем исчезла дремота.

Офицер связи, лежащий через три человека от меня, повернул голову.

– Лейтенант, вы останетесь здесь с двумя людьми и будете прикрывать меня огнем.

– А вы куда? – спросил Часиков.

– А я с двумя другими попробую обойти их справа. А то, знаете, это длинная канитель, и кончится тем, что они разобьют нашу машину.

Он пригнул голову: над нами со свистом пронеслась очередь пуль.

– Со мной пойдете вы и вы, – сказал Васильев и кивнул Саше и мне.

– Разрешите и мне? – сказал Аркадий.

– Почему?

– Потому что я и он, – Аркадий кивнул в сторону Саши, – всегда вместе.

– Хорошо. Тогда вы, – Васильев кивнул мне и водителю, – останетесь здесь. Ну, пошли за мной и делай как я. Гранаты есть?

– Есть, – сказали Аркадий и Саша.

Они поползли вслед за Васильевым и соскользнули в противотанковый ров.

Лейтенант открыл отчаянную стрельбу из автомата. Шофер стрелял из своей трехлинейки. У меня был только наган, и я просто лежал и смотрел. А потом перестал смотреть и плотно прижался к земле, потому что немцы начали очень сильно стрелять. Прошло не знаю сколько времени, и вдруг там, за группой деревьев, затрещал автомат. А потом – глухое уханье гранат. Над нами перестали свистеть пули, и я поднял голову. Гранаты взрывались часто, между деревьями вспыхивало пламя. Мы слышали крики и увидели, как несколько немцев побежали из-за деревьев куда-то налево.

– Скорей в машину! – крикнул офицер связи.

Мы прыгнули в машину и понеслись наперерез немцам. Мы мчались без дороги, лейтенант сеял из автомата, а я стрелял из винтовки шофера и что-то орал. Не знаю, попал ли я в кого-нибудь, потому что машина здорово прыгала на ухабах.

Из пятерых гитлеровцев только один остался цел. Васильев спас ему жизнь, схватив Сашу за руку. Лейтенант обшарил карманы убитых и вынул их бумаги. Васильев торопил его. Мы бросили трофейное оружие в кузов и втолкнули туда пленного. Это был эсэсовец. Шофер погнался за машиной. Пленный упорно отказывался сесть.

– Оставьте его, у него медвежья болезнь, – устало сказал Васильев Аркадию.

Действительно, у нашего немца сзади были мокрые штаны. Всю дорогу он ехал, стоя на коленях. Васильев вскоре заснул, привалившись головой ко мне на плечо.

– Боевой старикан! – сказал Аркадий, кивнув в сторону Васильева. – Штабной, а лихой. Он вынул свой наган и принялся выколачивать из него пустые гильзы.

– А офицер связи – какой молодец! – возбужденно сказал я, испытывая, как все после боя, непреодолимое желание говорить.

Перебивая друг друга, мы принялись рассказывать подробности стычки. Офицер связи перелез из кабины в кузов и вмешался в разговор; даже шофер временами просовывал голову сквозь разбитое окно и вставлял какие-то замечания. Эсэсовец, качаясь на коленях, вопросительно обводил нас глазами. Он оправился от страха и временами довольно улыбался, должно быть, радуясь тому, что остался жив. На его молодое лицо вернулась гримаска, угодливая и нахальная, видимо, составляющая обычное его выражение.

Он с глупой фамильярностью хлопнул Аркадия по колену и жестом показал, что хочет курить.

Аркадий с интересом взглянул на него.

– Шё мы цацкаемся с этой жабой? – сказал Аркадий и задумчиво посмотрел на свой наган.

Саша положил свою тяжелую руку Аркадию на плечо.

– Пленного не трогать.

– Ты уральский христосик, – сказал Аркадий сквозь стиснутые зубы, – всех тебе жаль. Сказано: смерть фашистским захватчикам!

– Так то в бою, – сказал Саша, – а про пленных того не сказано.

– Дапусти ты меня! – крикнул Аркадий, тщетно пытаясь скинуть медвежью Сашину лапу. – А гитлеровцы могут жечь живьем наших пленных бойцов?!

– Они звери, а мы люди, – сказал Саша.

Васильев открыл глаза и строго сказал Аркадию:

– Спрячьте оружие.

– Du, Soldat, verstehst du mich? – сказал Аркадий, засунув наган в кобуру. Как большинство портовых рабочих, он умел кое-как сказать несколько слов на разных языках. – Du bist Schweinehund, nicht wahr?

– O ja, – поспешно согласился пленный.

– Du, du... sie alle Faschisten, sie sind... – Аркадию не хватало слов. – Sie sind sehr kleine Menschen, verfluchte, dreckische...

– O ja, ja! – охотно подтверждал фашист.

– Тьфу! – плюнул Аркадий. – Я его крою последними словами, а он соглашается. Просто за человека обидно, когда видишь фашистов. Я не понимаю – где ж тот народ, великий немецкий народ, который мы всегда уважали? А?

– Их эта гадина Гитлер обработал, – ответил Часиков.

– Как мог он это сделать? – с силой сказал Аркадий. – Особенно такое ничтожество, как Гитлер? Нет, я этого не пойму. Сколько ни думаю, я этого не пойму. И никто мне этого не может объяснить.

Он махнул рукой и отвернулся.

Мы ехали в молчании по дороге среди лесов. Всем стало немного грустно. Мы смотрели на гитлеровца и, подобно Аркадию, старались по грубым и ничтожным чертам его лица понять – что же заставило бесчисленные орды этих жалких и кровожадных людей наброситься на нашу землю, разорять и безобразить ее? И каждый из нас повторил в эту минуту в сердце своем призыв Родины истребить всех фашистских оккупантов, всех до одного! Ничего, мы справимся с этим зверьем, как люди, как сильные, свободные люди.

Аркадий вынул из кармана свой щегольской портсигар и угостил всех папиросами. Эсэсовца тоже.

7

Офицер связи остановил машину у покосившегося верстового столба с замазанной цифрой.

– Валяйте напрямик, через лес, – сказал он нам, – и вы попадете точно к себе в батальон. Он сейчас во втором эшелоне. Так шагов тысячи полторы. Все время на северо – северо-восток. Конечно, вы можете поехать с нами в штаб полка, но оттуда вам придется дать порядочного крюка.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – сказал Аркадий, – мы потопаем прямо.

Мы крепко пожали руки Часикову и шоферу (Васильев спал) и углубились в лес. Мы шли гуськом с интервалом шагов пятьдесят, впереди Аркадий, позади Саша, я в середине.

Было еще серо, но птицы уже запевали. Они долго не улетали в этом году, – осень выдалась необычайно теплая.

В лесу было тихо, и мы без приключений добрались до батальона. Нам повезло: отсюда шел попутный связной броневичок в четвертую роту, и через полчаса мы вскарабкались на красные глинистые холмы, поросшие могучими соснами. Здесь расположился первый взвод.

– Саша, мы дома! Чувствуешь? – сказал Аркадий и хлопнул гиганта по спине.

Саша радостно улыбнулся. Да, это был их родной дом! Что из того, что рота переменила позиции и отошла из деревни в лес! Для солдата дом – это не место, а товарищи, вместе с которыми ешь, спишь, дерешься, помираешь. Люди окружили Аркадия и Сашу. Галанин снял с плеча пулемет и передал Саше. Саша открыл затвор и сказал огорченно:

– Запакостили... Гляди, канал-то ствола, как отхожее место. Зачем таскали мой примус-то в бой? Чо, своих мало?

– А ты соображаешь, что тут вчера было? – со злостью ответил Галанин.

– Оставь его, Саша, – пренебрежительно сказал Аркадий, – видишь, студент в расстроенных чувствах. Никак не может привыкнуть, шё на войне стреляют.

Саша, ворча, принялся чистить пулемет.

Аркадий с торжественным видом выгрузил из карманов свои ленинградские покупки и крикнул:

– Галанин!

– Я! – отозвался студент.

– Получай бритвы.

– Спасибо, – буркнул Галанин.

– Шапошников!

Молчание. Потом чей-то голос:

– Убит вчера.

– Шапиро! – выкрикнул Аркадий как ни в чем не бывало.

– В госпитале. Ранен вчера.

Аркадий нахмурился. Потом не очень уверенным голосом:

– Кожевников!

Кожевников протянул руку и получил свои подворотнички.

– Тарасовский!

– Убит вчера.

Аркадий замолчал. Потом сказал:

– Видать, вчера горячо было?

– Да. Баня...

Аркадий помотал головой.

– Так. Тут, значит, люди потели, а мы с тобой, Саша, в убежище с девчонкой прохлаждались.

– У тебя девчата завелись, Аркадий? – спросил кто-то.

– У меня? Куды мне! Это у нашего красавчика Саши невеста в Ленинграде.

– Да ну? – закричали в траве. – Хороша девушка?

Саша, сидя за пулеметом, застенчиво улыбнулся.

– Ничего. Все на месте. Только... – Аркадий кинул лукавый взгляд на Сашу и очень смешно, в лицах, изобразил, как Саша всю дорогу хвастал своей невестой, а когда они пришли к ней, она его не узнала, и Саша якобы бил себя кулаками в грудь и кричал: «Это я! Это же я, ваш Саша-с-Уралмаша!»

– Ну, в общем, я вижу – Сашина невеста на него нуль внимания, в общем, тот случай...

– Трепаться-то брось, – прервал его Саша.

В тихом голосе гиганта было что-то такое, что заставило Аркадия на секунду замолчать. Но рассказ получался как будто забавный, кое-кто засмеялся, и Аркадию жаль было расстаться с успехом.

Он продолжал в своем обычном тоне издевательских рассказов о Саше. Но странно: чем больше Аркадий изошрялся в придумывании смешных и унижающих Сашу подробностей, тем, чувствовал он, слушатели все больше охладевали к его рассказу. Некоторые вставали и уходили.

Он закончил рассказ среди молчания. Гладышев презрительно плюнул и отошел. В общем, провал.

Аркадий надменно пожал плечами и кинул как бы случайный взгляд в сторону Саши. Отлично вычищенный и смазанный пулемет стоял под деревом, но самого Саши не было. Аркадий поискал его глазами. Он увидел Сашу вдали. Своим тяжелым, развалистым шагом гигант удалялся в лес. Голова его и плечи были опущены, что-то скорбное почудилось Аркадию во всей его фигуре, и ему захотелось броситься вслед за Сашей и сказать ему что-нибудь сердечное, товарищеское.

Но кругом стояли люди, и Аркадий засвистал «Махну в Анапу я» и дружески подхватил под руку Галанина, который во всей роте был самым восторженным его поклонником.

Галанин сказал:

– Прости меня, милый, что я вмешиваюсь... но на твоём месте я пошел бы и извинился перед Сашей.

– Иди ты со своими советами знаешь куды? – гневно закричал Аркадий.

Он оттолкнул студента и спустился в землянку для пулеметчиков.

Здесь он вынул из вещевого мешка мандолину и заботливо обтер ее куском замши, который хранил специально для этого. Он натянул на мандолину новые струны, привезенные из Ленинграда. Потом он вынул из кармана маленький камертон и ударил им о край нары, и земляная дыра наполнилась широким, вибрирующим и сладким звуком «1а». Аркадий тщательно настроил мандолину. Все время при этом на его лице сохранялось сердитое и вызывающее выражение. Потом он ударил по струнам черепаховой косточкой и запел.

Никогда еще не пел он так хорошо. Откуда брались в его скрипучем голосе эта мягкость и завлекательность? Бойцы кучками скапливались возле землянки и слушали. Он пел о друзьях и о девушках, о дальних странствованиях и о прекрасной Одессе. Он пел грустные и залихватские песни портовых грузчиков. «Грубая спина у меня позади, грубое лицо у меня впереди и нежное сердце в груди...» Казалось, он призывал кого-то и умолял о чем-то, и вслед за ним повторяла эти мольбы мандолина своим дрожащим, детским, серебряным голосом.

Саша вышел из лесу. Проходя мимо землянки, он остановился. Бойцы посмотрели на него. Гигант насупился и пошел прочь не останавливаясь, словно звуки мандолины гнали его

все дальше и дальше. Он разыскал среди деревьев палатку политрука Масальского и попросил разрешения войти.

Масальский высунул свою красную физиономию и воскликнул:

– А, товарищ Свинцов! Входите, родной, садитесь. Ну, что у вас?

Они говорили долго. Масальский изумленно восклицал и что-то горячо доказывал Саше. А Саша в ответ упрямо бубнил, и в конце концов Масальский сказал:

– Ну ладно, пусть будет по-вашему, но я огорчен, право, огорчен.

Поевши, люди легли спать, чтобы отдохнуть после вчерашнего боя. День прошел тихо, ни артиллерии, ни самолетов. Но всем – от командующего фронтом до последнего коновода в обозе – было ясно, что с рассветом фон Лееб повторит свой вчерашний натиск на Ленинград. Но где пройдет линия главного удара? Может быть, через нас?

Перед закатом дневальные разбудили людей. Ночью роте предстояло выдвинуться вперед. Отделенные командиры вскрыли ящики с боеприпасами. Началась раздача гранат, патронов. Прибыли саперы. Лейтенант Рудой отправил их вперед для устройства окопов и заграждений. Он сам вычертил на бумажке профиль окопа и попросил командира саперов сделать окоп по этому рисунку.

– Да вы не беспокойтесь, сделаем по-хозяйски, – сказал молоденький саперный лейтенант в пилотке, лихо заломленной на ухо, и сунул чертежик в карман. – Ну, так мы пошли. В случае чего мы там маленько пощиплем фрицев.

– Ни в коем случае! Я вам запрещаю обнаруживать себя! – вскричал лейтенант Рудой.

Он с беспокойством посмотрел вслед удалявшимся саперам. Этот удалой лейтенант напомнил Рудому его самого, каким он был всего полтора месяца назад. И вскоре, не выдержав, Рудой побежал на передний край проверить, как там обстоит дело у саперов. Кстати, он захватил с собой отряд истребителей танков, чтобы заблаговременно расположить их в нужных местах.

Вообще хлопот было по горло, как всегда перед крупной операцией. Особенно когда начали прибывать пополнения. И поэтому никто в первом взводе не обратил внимания на необыкновенные перемены, произошедшие в составе пулеметных расчетов. К Аркадию явился боец Четвертаков и заявил, что он назначен вторым номером вместо бойца Свинцова.

– Ты? – сказал изумленный Аркадий. – А шё такое с Сашей?

– А он зачислен вторым номером на пулемет Окулиты, – сказал Четвертаков и добавил: – Согласно личной просьбе. Где пулемет-то? Как у вас диски? Не заедают?

Аркадий молча смотрел на Четвертакова. Казалось, от изумления он лишился дара речи. Наконец он вымолвил:

– Такое нахальство...

– Чего? – сказал Четвертаков.

Лицо Аркадия приняло обычное свое насмешливое и слегка надменное выражение.

– Дружочек Четвертаков, – сказал он, – возьми примус, вон он, в углу, и, будь другом, проверь его. Этот раззява Свиндов мог оставить его грязным. И вообще ему навоз таскать, а не на пулемете работать.

Вот и все о том, как разошлась дружба, самая крепкая во всей роте.

Саша не сказал и этого. Молча копался он в пулеметном хозяйстве Окулиты.

Любопытный Окулита приставал к нему с вопросами:

– А шо ж такое зрбилось промеж вас? Двох таких корешков, як ты и Дзюбин, а?

– Щелочи у тебя маловато, – сказал Саша и принялся надраивать пулемет, и без того сиявший чистотой.

* * *

Пополнения прибывали маленькими партиями, но непрерывно. Тут были и военные моряки из Балтфлота, посматривавшие несколько покровительственно на пехоту, и свои ребята, вернувшиеся из госпиталей, и ленинградские курсанты, и кадровики из сибирских и уральских частей. Весь этот народ надо было дово-оружить, накормить, проинструктировать, распределить по подразделениям.

Политрук Масальский совсем сбился с ног. У него не хватало агитаторов для политбесед с новоприбывшими, хотя он мобилизовал для этого всех мало-мальски толковых ребят в роте. Отряд балтийцев уже полчаса дожидался беседчика. Моряки сидели под соснами на шинелях, которые они только что получили. Некоторые пришивали к рукаву эмблемы якоря, чтобы все-таки как-нибудь сохранить свою морскую особенность среди серошинельной армейской массы.

Взгляд политрука упал на Аркадия, который стоял подле своей землянки, с независимым видом покуривая папироску и наблюдая предбоевую сутолоку. Аркадий вытянулся и откозырнул, щеголяя выправкой бывалого служаки.

Масальский продолжал молча созерцать Аркадия, упершись в него изучающим взглядом, и Аркадий уже начал обиженно поднимать брови.

– А что, – сказал наконец Масальский задумчиво, – разве такой развитой товарищ, как, например, товарищ Дзюбин, не мог бы провести беседу с товарищами красноармейцами?

– Я?

Польщенный Аркадий откашлялся.

– Будьте покойны, товарищ политрук. Шё-шё, а поговорить я умею. Какая тэма? Передача боевого опыта? Полный порядок. Не пройдет и пяти минут, люди у меня будут лежать от восторга.

Масальский сам представил Аркадия морякам:

– Перед вами, товарищи, один из лучших бойцов подразделения, отличник Ленинградского фронта, награжденный медалью «За отвагу». Он поделится с вами своим богатым боевым опытом и расскажет вам о приемах и уловках коварного врага...

Краснофлотцы с уважением посматривали на худую воинственную фигуру Аркадия. Аркадий приосанился. Он любил чувствовать себя в центре внимания.

– Балтийские морячки нам хорошо известны, – начал он, – я сам черноморец, я знаю, шё значит для моряка драться на суше. Вы видите по мне, получается как будто ничего.

Одобрительный гул пробежал по рядам балтийцев. Успокоенный политрук отошел. У него была куча дел. Аркадий продолжал говорить. Он решил расширить рамки своей темы. В голове у него вертелись обрывки из слышанных им в разное время бесчисленных докладов. Надо же, черт побери, раскрыть браточкам глаза на международное положение. Позади балтийцев Аркадий увидел нескольких ребят из своего взвода. Что ж, тем лучше. Пусть ребята убедятся, что Аркадий Дзюбин способен не только на трепотню о Саше-с-Уралмаша, но и на солидные доклады по вопросам мировой политики.

Политрук Масальский меж тем бегал по своим делам. Надо было проверить обеспечение предстоящего боя пищей и боеприпасами. Надо было организовать раздачу листовок. Надо было помочь ротным разведчикам, пыхтевшим над выпуском «Боевого листка». Кроме того, отсекр ротной организации Шувалов привлек Масальского к рассмотрению кучи заявлений о приеме в партию, они массами поступали перед боем. В это же время прибыли из политотдела дивизии партбилеты, и обязательно надо было позаботиться, чтобы новые члены партии получили их накануне боя. С этой маленькой красной книжечкой в кармашке у сердца они будут драться с удвоенным пылом.

За всеми этими хлопотами прошло немало времени. Поспешая по одному такому делу из взвода во взвод, политрук вдруг услышал громовой раскат хохота. Он глянул и увидел балтийцев, а посреди них отчаянно жестикулирующего Аркадия Дзюбина. Масальский удивился: как, до сих пор продолжается беседа?

Над лесом кружил «Хейнкель-126», старый немецкий разведчик. Иногда он становился на крыло, видимо, фотографировал. Никто из моряков не поднимал головы – так сильно были они увлечены речью Аркадия. Зенитки молчали, чтобы не обнаружить расположения полка.

Масальский приблизился и услышал скрипучий голос Аркадия:

– ...Два слова за эту дешевку Антонеску. Если сварить из него похлебку, так я не знаю, браточки, или найдется такая голодная собака, которая не побрезгает ее жрать: стошнит. Теперь от рассмотрения политики сателлитов перейдем к тому, кто держит пальму первенства во всем этом дерьме, к пресловутому Адольфу Гитлеру. Этот кровавый выродок утверждает, шё он строит новый порядок в Европе. Гитлер строит, а? А шё он вообще может построить? Подумаешь, строитель...

Масальский поспешно прервал этот «доклад» под тем предлогом, что Аркадий устал.

Аркадий был несколько обижен. В душе он считал, что Масальский завидует ему.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал Аркадий про себя, – вы еще будете просить Аркадия Дзюбина, шёб он осветил людям международную обстановку. Но нет, нема дураков! Теперь я знаю только свой примус – и больше ничего.

Высоко задрав свою петушиную голову, Аркадий проследовал мимо ребят своего взвода. Среди них стоял Саша. Аркадий кинул на него как бы случайный взгляд и тотчас отвернулся. Гигант смотрел на него презрительно и насмешливо.

8

Глубокой ночью мы двинулись. Курить и разговаривать было запрещено. Шли гуськом, смутно различая фигуру идущего впереди. Подтянутое оружие и котелки не бряцали. Полковые пушки двигались с нами. Они остановились у подножия холма. Никогда я не видел, чтобы артиллерия располагалась так близко от вражеских позиций.

В темноте мы вышли на открытое место и спустились в окопы. Пулеметчики разошлись по своим укрытиям.

Казалось, ночь не кончится никогда. Она была какая-то очень большая и очень прочная. Наверху были звезды, а внизу копошились мы. Было совсем тихо.

В четыре часа рассвело. В четыре тридцать ударила немецкая артиллерия. Мир заполнился грохотом. Толстые накаты блиндажей покуда сопротивлялись разрывам. На этот ужасный обстрел мы отвечали полным молчанием.

Приоткрылась дверь убежища, позади нее мелькнули тени. Я выглянул за дверь. По ходу сообщений пробегали санитары с носилками, связные, проходил лейтенант Рудой.

Вместе с санитарами и ранеными я пробрался назад, в лесок, чтобы покурить. Под обстрелом не курится. Между деревьев был устроен пункт первой помощи. Снаряды сюда не достигали. Неподалеку лежали ребята из ротного патронного пункта и курили. Вдруг они поднялись и откозырнули. Через лес шел высокий, ловко сложенный майор. Это был командир полка Чернов. На груди сияла Золотая Звезда Героя. Длинные пшеничные чапаевские усы украшали его лицо. Он любил Чапаева и старался ему подражать даже в наружности.

Майора сопровождали несколько командиров, среди них лейтенант Монастырский, сосед наш, командир пятой роты. У него был несколько расстроенный вид.

Майор остановил раненого, которого под руки вели два бойца. Третий боец шел позади и поддерживал раненого со спины.

– Куда вы? – сказал Чернов.

– Раненого вынесли с поля боя, товарищ майор, – бойко сказал один из бойцов, – доставляем его на пункт.

– Марш назад в окопы! – закричал майор. – И чтоб у меня этого не было. Пятнадцать здоровых жеребцов одного раненого тащат!

Бойцы исчезли, а раненый пробормотал:

– Я не просил их, товарищ майор, – и отправился на медпункт.

– Не ваши ли это люди, лейтенант? – спросил Чернов.

– Мои, – ответил Монастырский.

– Так, так, – сказал Чернов. – И раненых у вас многовато, лейтенант Монастырский. Чем я это объясняю? Я объясняю это тем, что вы невнимательно, небрежно отнеслись к устройству укрытий. А?

Монастырский мрачно молчал.

– Ладно, – сказал Чернов, – посмотрим, как обстоит дело у Рудого.

Встревоженный Рудой уже бежал навстречу Чернову. По ходам сообщений прошли на передний край. Немецкая артиллерия била с нарастающей силой. Но командиры не обращали на нее внимания. Они были заняты делом.

Чернов внимательно осмотрел окопы.

– Видите, – сказал он Монастырскому, указывая на пустой окоп, – запасная ячейка. У вас, когда вы захотите сманеврировать огнем, бойцу придется под обстрелом заниматься землекопством, вместо того чтобы отражать атаку. А здесь – уже готово.

Чернов похвалил просторную нишу, выдолбленную в передней стенке окопа. Лейтенант Монастырский отошел за спины других командиров. Но Чернов вытащил его за руку вперед.

– Смотрите, Монастырский, вы небось таких вещей и не видели?

И Чернов указал на небольшую стремянку, прилаженную к стенке окопа, по которой можно было быстро выбежать и атаковать врага.

Монастырский хмуро сказал:

– У меня жердей не было, товарищ майор, я давал требование, но...

– Жердей, жердей! – передразнил его Чернов. – А у тебя жердей хватало, Рудой?

– Не всюду, товарищ майор.

– И что ты сделал?

– Так мы выемки для ног понаделали.

– Слышите, Монастырский? Ну ладно. Так я вижу, что мне здесь делать нечего. Спасибо тебе, Рудой.

Рудой покраснел от удовольствия. Не всякий день удостоишься похвалы от самого майора Чернова.

Чернов быстро прошел по окопам, заглянул в кое-какие блиндажи. Все старые бойцы знали его по боям на Лужском и Новгородском направлениях, а некоторые еще по финской кампании сорокового года. И Чернов знал их в лицо и по именам.

Сейчас, проходя, он на секунду задерживался возле некоторых бойцов.

– Здорово, Оловянных! Дышишь?

– А что мне, товарищ майор! – широко улыбаясь, отвечал Оловянных.

– Толстов, привет! Ну как, под Волкоярви было полегче?

Раздался страшный грохот. Снаряд разорвался рядом. Посыпалась земля. Люди прыгнули к стенам, другие присели. А Чернов стоял и нетерпеливо кричал:

– Что? Что? Не слышу!

Толстов стер землю с лица и прокричал:

– Куды немцу до финна, товарищ майор!

Чернов удовлетворенно мотнул головой и пошел дальше.

Он увидел Аркадия и подошел к нему. Аркадий всегда был его любимцем. Он протянул пулеметчику руку, и тот с достоинством пожал ее.

– А где ж твой второй номер, Дзюбин? – спросил Чернов, взглянув на незнакомого ему Четвертакова.

– Вы спрашиваете, товарищ майор, за Сашу-с-Уралмаша?

– Вот, вот, – засмеялся майор. – Я надеюсь, с ним ничего плохого?

– Все в порядке, товарищ майор. Просто мы с ним разошлись, как в море корабли.

– Ах, вот что, – сказал Чернов и остро глянул на Аркадия. – Хочешь, помирю?

– Кто ж откажется от такого свата, товарищ майор? – сказал Аркадий.

Чернов рассмеялся и пошел дальше.

Несколько дольше Чернов задержался у группы молодых бойцов, только прибывших из запасного полка, еще не обстрелянных.

– Ну что, ребятки, страшновато? – сказал он, весело блестя прекрасными зубами из-под длинных пшеничных усов.

Бойцы заулыбались.

– Да нет, не очень, товарищ майор, – сказал один из них. – Оказывается, привыкнуть можно.

– Да уж привыкать некогда, – сказал майор, отогнув рукав и посмотрев на часы, – минут через десять артподготовка, видимо, кончится. А тогда что будет?

– Ихние танки на нас пойдут, – несмело сказал кто-то.

– Правильно, ихние танки пойдут на нас, – с удовлетворением повторил Чернов и, согнув свое гибкое тело, присел у стены на корточки. – Нет, я вижу, вы ребята соображающие.

От всего существа майора Чернова веяло таким спокойствием и силой, что молодые бойцы сразу приободрились. Приунывшие повеселели, а струхнувшие почувствовали, что они, собственно, ничего не боятся, и самые танки, атаки которых они прежде ждали с трепетом, теперь им не так уж страшны.

А Чернов уже рассказывал, как надо бороться с танками.

– Достаточно тебе залезть в канаву, чтоб тебя не было видно, и ты уже сильнее танка. Он тебя не видит, а как подойдет близко и заметит, он уже не может поразить тебя. А ты можешь поджечь машину. Смелый и умный боец сильнее танка, – сказал Чернов, взмахнув своей сильной и нервной рукой.

Он встал.

– Говорят, ребята, я похож на Чапаева, – сказал он, погладив усы. – Это, конечно, не так.

– Похож, похож! – закричали отовсюду.

– Ну, не знаю, похож ли, – сказал Чернов, – но я очень люблю Чапаева, а больше всего я люблю его любимую поговорку: «Врешь, не возьмешь».

Он поднял кулак и погрозил им в сторону немецких позиций. Лицо его сделалось жестким.

– Не возьмет, товарищ майор! – закричали бойцы, с восторгом глядя на Чернова и совсем не слыша в этот момент грохота артиллерийских разрывов.

Чернов побыл еще немного в четвертой роте, потом направился в шестую. Проходя мимо Аркадия, он крикнул ему, не останавливаясь:

– Свинцов не хочет мириться, и, кажется, он прав.

Аркадий побагровел от ярости.

– Шё ты скажешь на этого Сашку! – воскликнул он, обращаясь к Четвертакову. – Мало того, шё он передо мной фасон ломает, так он еще наклепал на меня майору Чернову. Хорошо, хорошо, Сашенька, ты еще будешь у меня валяться в ногах. Сколько я сделал для этого Сашки, Четвертаков, я же из него человека сделал... Да ты слушай, когда тебе говорят!..

Он взял Четвертакова за шиворот и вытащил его из угла. Но только он его выпустил, как Четвертаков снова бросился в свой угол, потому что в это время немецкие штурмовики на бреющем полете проходили над нашими позициями и поливали их из пулеметов. И все живое, что было в окопах, забилося в ниши, в углы, прильнуло к стенам.

И только Аркадий шагал на длинных своих ногах назад и вперед по крохотному пространству блиндажа и выкрикивал свои яростные жалобы. Гордость в этом человеке была сильнее всех чувств, сильнее самого инстинкта жизни.

А через пять минут началась атака.

Лейтенант Рудой встретил ее спокойно. Он был уверен, что отразит ее. У него были даже приготовлены кое-какие сюрпризы для немцев.

Однако атака началась непонятно.

Шесть немецких танков выбежали цепочкой на наш правый фланг. Метрах в трехстах от него они резко, под прямым углом, повернули налево и пошли параллельно нашему переднему краю. Они шли очень быстро, с правильными интервалами, пыль клубилась за ними. Потом они повернули и ушли к себе. Они не сделали ни одного выстрела. Это было похоже на парад.

Лейтенант Рудой ломал себе голову над тем, что означает этот странный маневр. Начальник артиллерии высказал предположение, что танки хотели вызвать на себя огонь и тем обнаружить наши огневые точки. Так ли это? Главное – понимать все действия противника. В тот момент, когда перестаешь понимать противника, можешь считать себя побежденным. А немцы славились тем, что часто применяли всякие новые трюки и маневры. Пришлось остановиться на предположении начарта как на самом правдоподобном. И все же Рудой ощущал какое-то глухое беспокойство.

Первую атаку удалось отразить. Однако пехоту сильно потрепал пулеметный огонь. Рудой был удручен не только тем, что погибли бойцы его роты, много дорогих ему людей. Он был удручен и тем, что в чем-то ошибся как командир. Откуда взялся этот губительный пулеметный огонь, когда, казалось, все огневые точки противника были так точно засечены? Что скажет Чернов? Рудому казалось, что он слышит спокойный презрительный голос Чернова: «Нет, слишком рано я похвалил тебя, Рудой». Каким-то смутным чутьем Рудой связывал свои потери со странным пробегом немецких танков перед атакой.

Он решил понаблюдать противника вплотную. Возможно, что немцы повторят этот пробег перед своей второй атакой. Захватив с собой телефониста, Рудой выдвинулся далеко вперед.

Все было как в прошлый раз. Снова вышли шесть танков. Рудой впился глазами в них. И он увидел: на всем ходу с танков спрыгивали солдаты с пулеметами в руках. Плюхнувшись наземь, они оставались лежать, где упали, и дожидались своей пехоты. Густая пыль скрывала их от наших ротных наблюдателей.

Рудой посмотрел вслед танкам даже с некоторым восхищением. «Хитро придумали, воры!» Он немедленно передал в роту дистанцию, ориентиры, и тотчас лучшие пулеметчики во главе с Аркадием открыли точный прицельный огонь по залегшим в пыли немецким пулеметчикам. Вскоре фашисты были перебиты. Вторая атака была отражена легко.

Немцы пошли в третью.

Они решили проломить нашу оборону. Они решили дорваться до Ленинграда сегодня и любыми средствами. Они бросили на наш участок сорок танков. Увидев эту густую, ревущую, бронированную массу, стремительно надвигающуюся на нас, Рудой удовлетворенно потер руки. Наступило время для его сюрприза.

Немецкие машины были пропущены за линию окопов без выстрела, даже истребители танков не трогали их. Вся пехота наша бросилась в контратаку на немецкую. А танки были встречены пушками. Это были те самые наши легкие полевые пушки, которые так близко были подтянуты к переднему краю и до сих пор так упорно молчали. Они дождались своей минуты. Они стреляли в упор, прямой наводкой с дистанции в триста, а то и в двести метров. Здесь не было промахов. Каждый снаряд ломал, коверкал, поджигал немецкие танки. Взрывались бензиновые баки. Поле покрылось пожарами. Трудно представить себе, до чего легко горели эти стальные машины. Больше половины их было уничтожено. Остальные бежали.

Но сюрпризы лейтенанта Рудого на этом не кончились.

Пока по фронту кипел бой, два небольших хорошо вооруженных отряда скрыто пробрались во фланги немецкого расположения. Это был первый, еще робкий провозвестник нашей наступательной тактики, которой впоследствии предстояло так широко развернуться. Одним из отрядов командовал сам Рудой.

Ему удалось завладеть высотой Огурец на левом фланге. Кругом простирались равнины, покрытые немецкими обозами и складами, и отряд принялся крошить их жестоким минометным и пулеметным огнем. Собравшись с силами, гитлеровцы пошли в атаку на Огурец. Некоторое время все внимание их было привлечено к этой высоте, и второй отряд под командой политрука Масальского глубоко обошел немцев с правого фланга и забрался в их тыл. Отряд Масальского, по плану лейтенанта Рудого, должен был соединиться с ним на высоте Огурец.

Такова была эта маленькая, но по времени одна из первых с нашей стороны операция на окружение. Оказалось, что немцы бегут, увидев себя окруженными. Оказалось, что они подвержены панике. И сдаются в плен, особенно когда их отрывают от техники, словно они не люди, а не более чем часть, и притом не самая главная, своих многочисленных танков и мотоциклов.

Отряд Масальского шел по тылам. Он разгромил несколько штабов, захватил и уничтожил много пушек, пулеметов и другого оружия и имущества. Он двигался по большой дуге, конец которой упирался в высоту Огурец.

Но так увлекательно было громить фашистов в самой гуще их расположения, что отряд сильно задержался против того времени, в которое ему было назначено выйти к высоте.

В составе отряда были два тяжелых танка КВ. На броне одного из них устроился Аркадий. Эта удалая, дерзкая операция была ему по душе. Он действовал у пулемета один. Четвертакова он прогнал от себя, придравшись к тому, что тот легко ранен в плечо. К чести Четвертакова надо сказать, что он хотел остаться в строю.

– Иди, иди, – сказал Аркадий, – иди на медпункт, зализывай рану. Чем такой второй номер, как ты, так лучше совсем без него. Вообще от вторых номеров у меня одно только горе.

Между тем отряд Рудого бился на высоте. Он поредел. Немцы теснили его отовсюду. Убит был санитар Гладышев, упросивший лейтенанта взять его с собой. Пали старые бойцы Толстов и Оловянных. Осколком снаряда снесло голову Окулите. С пулеметом управлялся один Свинцов. А Масальский со своим отрядом все не приходил.

Вскоре замолк последний пулемет. Рудой подумал, что произошла задержка и Свинцов не может справиться. Подхватив здоровой рукой раненую, лейтенант пополз к пулемету.

Саша повернул голову и сказал:

– Патроны-то все, товарищ лейтенант.

– Возьмите у бойцов из подсумков.

– Все уже взято.

– Что ж, будем отбиваться гранатами, – сказал Рудой.

И на головы подползавших немцев посыпались гранаты. Гитлеровцы отхлынули.

«Скоро можно будет стрелять из нагана, – подумал лейтенант, – да, из нагана... в себя...»

Они находились на самой вершине холма. Холм был гранитный, множество валунов и камней валялось на нем. Лейтенант взял увесистый камень и, сильно размахнувшись, швырнул его в группу нападавших. Оттуда раздался крик.

Бойцы подхватили камни и начали отбиваться ими. Саша выворачивал огромные мшистые валуны и обрушивал их вниз. Это было, как обвал. Гитлеровцы снова отхлынули.

Так держалась эта горстка бойцов, пока не подоспел наконец Масальский со своим отрядом и двумя танками. Немцы побежали.

И по всему Ленинградскому фронту в этот день они либо отступали, либо не сумели продвинуться вперед. Город был спасен. Никогда больше фашисты не смогли повторить удар такой силы. Они зарылись в землю вокруг Ленинграда и перешли к позиционной войне.

9

Не сумев взять Ленинград силой, фон Лееб задумал взять его измором.

Немцы продолжали бомбить город. Когда бомба падала в Неву, мальчуганы бросались в холодную воду и вылавливали оглушенную рыбу.

Хлебный паек был уменьшен до 125 граммов в день. Воробей считался лакомством. Но никто не роптал.

Играли театры. Ходили трамваи. Композитор Шостакович, вернувшись с дежурства на крыше, писал свою «Седьмую симфонию» – о героизме рядовых людей Ленинграда. Когда завывали гудки воздушной тревоги, он ставил среди нот буквы «В. Т.», надевал каску и шел на пост.

Тася похудела еще больше. В глазах ее появилась томность, свойственная голодающим. Однажды, вернувшись домой, она нашла у себя сверток.

– Какой-то боец принес его, – сказали соседи.

В свертке оказались две килограммовые банки с мясными консервами, большой кусок масла, пачка сахара и галеты. Под галетами лежала записка:

«Милая Тася! Шамайте на здоровье. Ваш Александр Свинцов, помощник наводчика с ручного пулемета».

– Ах! – вскрикнула Тася. – Ну что же он не подождал меня!

Посылки стали прибывать довольно регулярно, раз в десять-двенадцать дней.

Обычно их приносил дворник или посыльный из «Астории». При каждой посылке обязательно было письмо.

С каждым разом письма становились все длиннее, Свинцов оказался красноречивым. Он писал о боях и о длинных звездных ночах, рассказывал содержание фильмов, вставлял стихи и намекал на свою любовь.

Тасю до слез трогала его заботливость. Ее сердило, что он не пишет номера своей полевой почты – и она не может ответить ему.

«Видно, его друг имеет на него сильное влияние», – думала она, встречая в Сашиних письмах остроты в бесшабашном стиле Аркадия Дзюбина и невольно смеясь над ними.

«А ведь тогда, – удивлялась она, – Саша был такой тихий, молчаливый...»

Она объясняла это его застенчивостью, и черта эта казалась ей в Саше необыкновенной, милой.

* * *

Так прошло больше месяца. Началась зима. Красная Армия перешла в наступление. Снова пришлось мне увидеть Аркадия и Сашу.

Как много переменилось за это время! Вместо травы на лугах лежал снег. Вместо осенних отступлений – великое зимнее наступление. И только одно оставалось неизменным: ссора Аркадия и Саша. Казалось, в роте никто уже и не помнит о том, что они когда-то были друзьями.

К вечеру двенадцатого декабря мы вышибли немцев из деревни Ровное. На околице мы увидели трупы трех расстрелянных детей, двух мальчиков и одной девочки, лет десяти или одиннадцати. По случайности лицо девочки осталось нетронутым, по лбу ее разметались светлые волосики. Мы стояли вокруг мертвых детей и молчали. О чем было говорить?

Аркадий крикнул Галанину, который проходил вместе со Свинцовым:

– Эй, студент, ты как-то говорил, шё фрицы – хорошие люди?

– Во-первых, я не говорил так, а во-вторых...

– Ступай сюда, Галанин, и посмотри, шё тут понаделали твои хорошие люди.

Они подошли. Саша долго молча смотрел на чистое лицо девочки, на худенькое полуголое тельце ее, изрешеченное пулями. Глаза его потемнели, а руки непроизвольно сжались в страшные кулаки. Он поднял голову и встретился взглядом с Аркадием.

У Аркадия в лице что-то дрогнуло. Казалось, не доставало малого, чтоб он бросился к Саше в объятия, – одного Сашиного слова или одного его движения. Но слово не было произнесено, движение не было сделано, лицо гиганта приняло упрямое и презрительное выражение. И бывшие друзья молча разошлись в разные стороны.

Раздатчики кликнули людей. Бойцы пошли ужинать. Предстоял ночной бой.

* * *

После этого дня Тася перестала получать посылки. Она очень волновалась. Ей приходила в голову грустная мысль, что Саша полюбил другую девушку. Это так легко, ведь он видел Тасю только один раз и она почти не говорила с ним. А потом ей приходило в голову, что он убит, и она плакала и перечитывала его письма.

И вдруг она встретила его.

Саша слонялся по задкам Гостиного двора, со скучающим видом рассматривая витрины, которые остались не зашитыми в песок и дерево.

– Саша! – крикнула она, повисла на его руке и заплакала.

Гигант с удивлением посмотрел на Тасю. Он не сразу узнал ее – так сильно она похудела.

– Тася... – наконец прошептал он и покраснел.

Они шли по городу. Тася непрерывно говорила.

Ей так много надо было ему сказать! Она рассказывала ему, что по-прежнему вытачивает оболочки гранат и, кроме того, стала донором и часто думала о нем, о Саше.

– А ваши посылки, – сказала она, – вы не думайте, что я их одна ем. Их ест вся квартира.

– Мои посылки? – сказал Саша, удивленно захлопав глазами.

– Я их всегда так ждала, но не из-за продуктов, не думайте, а из-за писем, из-за ваших чудных писем. Я ношу их всегда с собой. Потому что, знаете, уйдешь, а вдруг в это время в квартиру – прямое попадание!

– Письма-то покажите, – коротко сказал Саша.

Тася вынула из сумочки пачку писем.

Гигант развернул их и до крови закусил губу: он узнал руку Аркадия.

* * *

Немцы отступили так быстро, что один дот они оставили невзорванным. А к двум часам дня к ним подошло подкрепление, и они бросились в контратаку. Мы немного отошли и укрепились.

Рудой назначил в дот четырех человек: Дзюбина, Четвертакова, Галанина и Зильбермана. Зильберман только что пришел в роту, тихий, молчаливый парнишка.

– До вечера продержитесь? – спросил Рудой.

– В таком домике? – сказал Аркадий, с удовольствием оглядывая бетонные своды дота. – Хоть до Нового года, товарищ старший лейтенант.

Рудой был недавно произведен в новое звание. Аркадий тоже. Он был сейчас младшим сержантом.

В доте были запасены боеприпасы и продукты. Телефон работал хорошо. Его поручили Зильберману.

– Четвертаков, у меня до тебя просьба, – сказал Аркадий, – сбегай до этого красавца Сашки Свинцова – я же с ним в контрах – и возьми у него парочку моих запасных стволов. Они у него гниют уже два месяца. А мне – я же чувствую – они сегодня пригодятся.

– Свинцов в Ленинград уехал, – сказал Четвертаков, – с политруком Масальским в интендантское управление...

– В командировочку, – едко сказал Аркадий.

Часов до трех все шло сравнительно благополучно.

Фашисты наступали волнами. Аркадий и Галанин огнем пулеметов рассеивали их.

Скоро немцы обнаружили дот. Они накрыли его артиллерийским огнем. Дот тяжело ухал под разрывами. Гитлеровцы не могли подойти к нему.

– Живей работай, Галанин! – кричал Аркадий, нажимая на спусковой крючок. – Это тебе не университет!

Несколько тяжелых снарядов упало на дот, осыпался бетон. Аркадий вышел из-под обломков, отряхиваясь, и сказал, покачивая головой:

– Жарко...

Но в общем все шло неплохо. Бетонный домик был слеплен на славу, и артиллерия ничего не могла с ним сделать.

Тогда немцы пошли в атаку на самый дот. Аркадий подпускал их на близкое расстояние и внезапно ошпаривал длинными очередями. Фашисты не выдерживали огня и разбежались, оставляя трупы.

Аркадий оглянулся на товарищей. Лицо его с задорными усиками дышало какой-то веселой яростью.

– Чистая работа! – вскричал он. – Представляете, как эти жабы злятся?

Около четырех часов товарищи по очереди закусили в одном из уголков дота. Запищал телефон. Рудой справлялся, как дела.

– Все в порядке, товарищ старший лейтенант, – сказал Зильберман своим чистым, звонким голосом.

Через несколько минут был убит Четвертаков. Случилось то, чего Аркадий опасался больше всего: немцы нащупали амбразуру. Друзья быстро заложили ее всем, что было под руками, – обломками бетона, полущубками. На всякий случай держались подальше от этой амбразуры. Минут через десять влетела зажигательная пуля. Она попала в ящик с гранатами и взорвала его. Осколками был убит Зильберман. Он покатился на пол, не выпуская из рук телефона. Ходики, висевшие на стене, продолжали тикать. На них было десять минут пятого. Надо было продержаться еще хоть час.

Аркадий стрелял, не отрываясь от пулемета. Телефон не разбился, и Галанин сообщил в роту, что патроны скоро кончатся.

На другом конце провода стоял Рудой.

– Высылаю боеприпасы и смену, – сказал он.

Но бойцы, посланные в дот, не дошли до него. Немцы оседлали дорогу минометами и артиллерийским огнем.

Еще через пять минут запищал телефон. Рудой схватил трубку.

– Говорит Дзюбин, – услышал он хриплый голос, – патронов осталось от силы на полчаса. Галанин убит...

Голос его оборвался, затрещал пулемет. Видимо, Аркадий бросился от телефона к пулемету. Рудой нервно посмотрел на часы. С минуты на минуту в тыл немцам должна была ударить шестая рота. Только бы она не запоздала!

Показались два вражеских бомбардировщика. Они по очереди спикировали на дот и сбросили бомбы. Поднялись огромные столбы земли и дыма. Цепи гитлеровской пехоты побежали на дот. Они были не далее как в двухстах метрах от него. Дот молчал.

– Не додержался, – пробормотал Рудой, – еще бы немножечко...

В эту минуту из дота заговорил пулемет. Дот жил, он работал! С наблюдательного пункта было видно, как фашисты снова отхлынули от него.

Связист протянул Рудому трубку.

– Из дота, – сказал он.

– Дзюбин, милый, жив? – закричал Рудой в трубку.

– Дышаю пока что, товарищ старший лейтенант, – ответил хриплый усталый голос, – патроны кончаются.

– Продержись минуток пять-десять! Сможешь?

– Постараюсь, товарищ старший лейтенант. А шё, там нет поблизости этого красавца Сашки Свинцова? Я бы с ним попрощался на всякий пожарный случай, черт с ним... Я, конечно, извиняюсь, товарищ старший...

Он не закончил. Связь оборвалась.

* * *

Саша прочел письма, вернул их Тасе и резко сказал:

– До свиданья.

– Куда вы? – изумилась Тася.

– Надо мне, дело есть, – торопливо сказал гигант.

Он посмотрел на Тасю, вдруг нагнулся, поцеловал ее в губы и быстро ушел.

В окружном интендантском управлении он нашел политрука Масальского и попросил разрешения немедленно вернуться в часть.

– Очень нужно, зря не просил бы, товарищ политрук, право.

Масальский внимательно посмотрел на его взволнованное лицо.

– Ну, поезжайте, милый, коли так подошло. Но как вы доберетесь?

– С попутными машинами! – крикнул Саша, уже отойдя.

Он вышел на дорогу. И редкая машина не останавливалась, увидев громадную Сашину фигуру с высоко поднятой рукой. Никто не ехал прямо в Сашину роту, и гигант переходил с машины на машину.

Он сам не знал, почему он так спешит. Он чувствовал только, что ему надо сейчас же, немедленно увидеть Аркадия, сказать ему: «Прощаешь меня? А я-то никого так не люблю, как тебя, одну только Тасю...»

Сердце гиганта было переполнено нежностью и счастьем. Но он знал, как неверна жизнь человека на войне, и он не останавливаясь мчался туда, на передний край, сменяя полуторку на броневики, прыгая с танкетки на обозную подводку.

Когда он прибыл в четвертую роту, дот еще жил. Он стрелял, но все реже и реже. Только когда фашисты подползали слишком уж близко, он огрызался короткими очередями. Немцы предпочитали обстреливать его издали.

– Я пройду туда, – сказал Саша.

Рудой молча указал ему на дорогу. Снаряды и мины рвались на ней беспрестанно. Самый дот покосился. Бетонная шапка его сдвинулась как бы набекрень.

– Пройти можно, – упрямо сказал Саша.

Рудой кивнул головой. Гигант навьючил на себя боеприпасы и пополз. Затаив дыхание, Рудой следил за ним. Саша доползал до воронки, отлеживался там и полз дальше.

А с другой стороны полз немецкий солдат. Он тоже полз медленно, соскальзывая в воронки, его распластанное тело почти не отрывалось от земли. По-видимому, это был не менее ловкий и храбрый человек, чем Свинцов. Он полз к доту, чтобы заткнуть гранатой его огнедышащий рот.

И вдруг заговорили сразу несколько пулеметов. Рудой просиял от радости. То подошла долгожданная шестая рота и ударила немцам в тыл. Рудой приказал пустить ракету, и все три его взвода поднялись и пошли в атаку.

А навстречу им шагал Саша. На руках у него лежал Аркадий. Гигант бережно нес его. Длинные руки и ноги Аркадия бессильно свешивались. Бледное лицо с заборными усиками было окровавлено.

Саша донес Аркадия до большого дерева и здесь положил его на снег. Потом он скинул с себя полушубок и осторожно подсунул его под Аркадия. Он попытался прощупать пульс Аркадия и не нашел его.

– Умер... – прошептал он, и по грубому лицу его покатались скупые слезы, вероятно, первые в его жизни.

Солнце садилось. Невдалеке трещали пулеметы. Мимо дерева прогнали группу немцев, только что захваченных в плен.

– Кто умер, кто? – слабым голосом вдруг сказал Аркадий и открыл глаза.

Саша вскрикнул от радости.

Он взял Аркадия за руку и крепко пожал ее. И ощутил ответное пожатие, но такое слабое, что у Саши защемило сердце.

Аркадий повел вокруг себя глазами. Затуманенный взгляд его упал на пленных фашистов, проходивших мимо.

– Нет, – прошептал он, – эти жабы не дождутся, шёб Аркадий Дзюбин умер.

Он слегка приподнялся и тотчас упал на подставленные Сашей руки.

Но даже страшная боль от раны в голове не могла сломить этого человека. И улыбка, насмешливая и слегка надменная, непобедимая дзюбинская улыбка сияла на его окровавленном лице.

1941

По ту сторону холма

Нарбутас разозлился.

– Левей! Говорят тебе, левей, камбала ты подслеповатая!

И он добавил в сердцах:

– Шел бы ты лучше в мороженщики, Губерт, право...

Молотобоец, высокий юноша с плечами атлета и пухлым, еще детским ртом, оскорбленно нахмурился.

«Ему что, – злобно подумал он, – потюкивает себе ручником, и все. Видать, память отшибло у старого черта...»

– Дай-ка мне, – вдруг сказал Нарбутас своим гудящим баском.

Губерт боязливо посмотрел на кузнеца: неужто старик прочел его мысли? Подручный считал маленького въедливого Нарбутаса чем-то побольше обыкновенного человека.

Кузнец выдернул кувалду из рук опешившего молотобойца и натянул рукавицы.

– Ухватывай покрепче, – прогудел он.

Губерт зажал клещами длинную багровую полосу стали. Вспоминая движения Нарбутаса, он робко ударил маленьким ручником, как это делают кузнецы, указывая подручным, куда бить.

– А ну, не суйся, – отмахнулся Нарбутас.

Он легко занес кувалду и с силой обрушил ее на поковку. Потом второй раз, третий... И пошел бить.

У соседних горнов ребята обернулись. По звуку они поняли, что работает мастер.

– Что, Антанас, еще не вечер? – крикнул молодой кузнец Саша Копытов. Он сам когда-то был в подручных у Нарбутаса и знал, каково это.

Нарбутас весело подмигнул. Копытов засмеялся. Как всегда, он с любопытством озирался по сторонам и, казалось, только и искал повода, чтобы радостно расхохотаться.

Нарбутасу стало жарко. Он расстегнул продыmlенный комбинезон, на минуту спустил его с плеч и отер пот. Голые грудь и спина были закопчены.

Нарбутас не похож на кузнеца – коротенький, юркий, с небольшими руками. Встретишь его в субботу вечером на проспекте Ленина – размашистая походка, ухарски заломленная шляпа, ловко прикрывающая седеющие виски, пестрый развевающийся галстук, – ни дать ни взять прифрантившийся «селечочный» морячок из Клайпеды.

Только когда Нарбутас раздевался, становилось видно, как он крепок. Ни капли жира на смуглом торсе, точно откованном из бронзы. Под загорелой кожей ходят мощные бугры мышц. «Еще не вечер» – излюбленное его присловье. Он и сейчас недурно бегаёт стометровку. А не более чем лет двенадцать назад в республиканских состязаниях по боксу вышел в полусреднем весе на второе место. Что же касается танцев, то на площадке в Доме офицеров нет более уда-лого заводилы, чем Антанас Нарбутас. В такие минуты даже девушки забывают о его возрасте.

При этом Нарбутас нисколько не кичится своим здоровьем. Он просто не замечает его. А если кто, не достигнув и пятидесяти, начинает поскрипывать и отнимать время у медиков, так это, по мнению Нарбутаса, несчастный случай, а то, может, попросту, извините, и вранье.

Он ударил кувалдой еще раз и спросил:

– Соображаешь?

Сейчас Нарбутас добивался от Губерта, чтобы тот понял наконец, что такое согласованность, когда усилия двух человек достигают полного слияния в работе. «Чесать языком» старый кузнец не считал нужным. Он только показывал. По его мнению, это гораздо красноречивее, чем нудноватые разговорчики о «чувстве ритма», о «рациональных движениях»

и прочая болтовня, которую обычно разводят заучившиеся инструкторы из учебно-методического отдела.

«Не знаю, – говорил он, – может, где-нибудь там, в балетной школе, оно и к месту. А у нас, в кузне, знаете, по-простому: смотри на меня и делай, как я. У меня подручный, знаете как? Бровью поведу – все понял! А как же! Работа наша огненная! И будьте покойны, не одного доброго молотобойца вырастил я на своем веку вот из таких же молочных телят, как этот Губерт...»

– Ну? Раскусил? – нетерпеливо повторил Нарбутас.

Подручный нерешительно кивнул головой.

– Валяй, действуй.

Губерт замахнулся кувалдой и с выражением отчаяния на лице ударил.

– У, губошлеп безглазый! – прогудел с досадой кузнец. – Возьми глаза в руки и смотри на меня как вкопанный.

Нарбутас принялся бить кувалдой. Удары сыпались один за другим, мерные, меткие, мощные. Подручный, повинаясь жестам кузнеца, клал на наковальню то нижник, то верхник, то штамп. Стальная метровая полоса под кувалдой пыкала искрами, то вытягивалась, то сгибалась и все больше становилась похожей на крюк – из тех, что висят на стрелах подъемных кранов.

Завернувший в кузницу токарь Костас Слижюс так и застыл с резцами в руках, глядя на Нарбутаса. Копытов толкнул его в бок.

– Дает жизни, а?

Слижюс, крупный курчавый брюнет с добродушно-насмешливым лицом, уважительно покачал головой.

– Класс!

В этот момент Нарбутас пошатнулся. Острая боль резанула его по сердцу. Кувалда со звоном грохнулась на пол.

Слижюс и Копытов подбежали к Нарбутасу.

Он отстранил их и нагнулся к кувалде. Но не смог поднять ее. Не хватило сил. Словно вся она вдруг куда-то вытекла.

Ощущение это было так непривычно, что Нарбутас даже не испугался. Он только очень удивился.

Он еще раз попробовал поднять кувалду. Теперь, хоть и не без труда, это удалось. Он с торжеством посмотрел на встревоженные лица товарищей, весело подмигнул и сноровистым движением занес кувалду.

Но тут снова та же боль длинной иглой вонзилась ему в грудь и мгновенно протянулась по всей левой руке до кончиков пальцев. Вокруг точно исчез воздух, все поплыло.

Рабочие подхватили Нарбутаса и вынесли его во двор.

Он не до конца потерял сознание. Смутно чувствовал он, как посадили его на зеленом откосе спиной к забору в тени старой цветущей липы. Все кругом тускнело, затихало...

Когда Нарбутас очнулся, он увидел, что мир снов яркий и гулкий. Рядом сидят на траве кузнецы Виткус Копытов, Зайончковский, токарь Слижюс. Они облупливают крутые яйца и, посолив, отправляют в рот.

Нарбутас шевельнулся и замер тревожно, – но нет, ничего, игла в груди больше не появляется. И дышится так легко. И все кругом так явственно видно, облака в небе и даже крошечные конопушки на длинном унылом лице Виткуса. А липа так славно распушилась над головой. Медленно кувыркаясь в воздухе, падает желтый лепесток...

Нарбутас осторожно напряг мускулы. Порядок! А ну, еще разок, посильнее... Так, так, хорошо!

Он с силой сжал кулаки, напряжинил руки, ноги, живот, все тело. Он словно выкликал боль, задирает ее: «Эй, ты, как тебя, где ж ты там? А ну-ка давай сюда, померяемся!» В то же время он боязливо прислушивался к чему-то внутри себя. Но нет, оно больше не появляется.

Во всем теле сладкое изнеможение, как после хорошей баскетбольной встречи. Деревянный забор нагрелся на солнце и приятно согревает затылок. От множества трубчатых лесов, скопившихся во дворе, протянулись по земле длинные сквозные тени. От земли, от травы, от липы – нежный, чуть пряный запах. А из кузни тянет горьковатым, но непротивным дымком курного угля. И ко всему примешивается какой-то лекарственный запах. Камфара, что ли?

Слышен бубнящий голос Виткуса:

– На пароходе когда едешь, кругом море, а на поезде – кругом земля...

Нарбутас улыбнулся. Это все, что Виткус мог рассказать о своей недавней поездке в Сухуми, в дом отдыха. Душевный мужик Иозас Виткус и кузнец толковый, но о нем говорят, что, когда он подходит к горну, огонь сам собой угасает – просто от скуки.

Нарбутас глубоко вздохнул, наслаждаясь тем, что воздух свободно вливается в его широкую грудь, и сказал:

– А на мою долю чего-нибудь оставили, мужчины?

– Воскрес? – спросил Стефан Зайончковский, лысый, широкоплечий мужчина с седоватыми отвислыми усами.

Это старейший кузнец завода, он работал здесь еще в польские времена, когда на этом месте была небольшая ремонтная мастерская.

Нарбутас встал. Он потянулся всем своим коротким сильным телом.

Слижюс сказал:

– Вали, Антанас, в поликлинику. Сигнал им дан.

Нарбутас язвительно сощурился.

– Да? В самом деле? А в институт красоты ты сигнал не давал?

Пробасил гудок. Нарбутас повел глазами вокруг себя и увидел долговязую фигуру подручного, который слонялся по двору.

– Губерт! – крикнул кузнец. – Хватит прохлаждаться, по-шли работать.

Слижюс сказал недобрым голосом:

– Минуточку.

Слижюс вспыхнул. Он считал это крупнейшим своим недостатком и боролся с ним. Когда он понижал голос и начинал медленно чеканить слова, друзья переглядывались. Его подчеркнутое спокойствие было не чем иным, как замаскированной яростью.

Он повернулся к Виткусу и сказал тихо, но веско:

– Иозас, ты проводишь Антанаса в поликлинику.

– Да ну тебя с твоими провожатыми! – буркнул Нарбутас. – Сам дойду.

Слижюс сдержал улыбку. Прием сыграл: всегда нужно запросить немножко с лихвой – получится точь-в-точь. Слижюс не мог знать, что Нарбутаса только что опять кольнуло в грудь.

Виткус вынул из нагрудного кармана пузырек.

– Возьми-ка, Антанас, с собой. Водичка подходящая: камфара с валерьянкой. По дороге в случае чего...

– В случае чего, – огрызнулся Нарбутас, – я хвачу кружку пива.

Подчеркнуто молодцеватой походкой кузнец зашагал к воротам. По дороге он остановился и крикнул:

– Завком когда?

– В шесть. С активом. Ты успеешь. Приходи, будет жарко, – отозвался Копытов.

Нарбутас кивнул и пошел, стараясь держаться с преувеличенной прямизной.

Друзья посмотрели ему вслед.

Копытов покачал головой. Он был непривычно серьезен.

Слижюс спросил:

– Что? Думаешь, старик сработался?

Виткус вяло замурлыкал:

– Старость есть старость...

Копытов прервал его:

– С нашей кузней...

Он не закончил, махнул рукой и пошел в цех.

Слижюс нахмурился. Это был упрек ему как парторгу. А что он мог сделать? Старая кузня осталась неизменной со времен буржуазной Литвы. Скоро ее сменит новый цех. Но как скоро?..

Слижюс посмотрел в дальний угол двора, где строили новую кузню. Обширный травянистый пустырь был охвачен отовсюду невысоким заборчиком. Стены были где по колено, а где по щиколотку.

Каменщик в бумажной шапочке, тихонько посвистывая, шлепал раствором по кирпичам и неспешно выкладывал стенку.

Посреди пустыря плашмя лежал пневматический молот, прикрытый рогожей. Он был похож на спящего могучего зверя вроде бегемота.

На него присела девушка. Она склонилась над ведром и размешивала раствор. При этом она напевала песенку. Рядом стоял Губерт и, посматривая на девушку, безмятежно курил. Все его юное долговязое существо выражало явное наслаждение неожиданным бездельем.

Эта идиллическая картина, видимо, окончательно вывела из себя Слижюса. Он процедил сквозь зубы крепкое словечко и пошел к себе в цех.

Высокая, светлая токарная была заполнена негромким жужжанием станков. Цех был новенький, и все здесь блистало опрятностью и индустриальным изяществом.

Слижюс подошел к станку. Это был оливковый красавец, грузный и мощный, как зубр. Повинуясь Слижюсу, он деликатно засвиристел. Тоненькая стружка поползла из его могучего зева, вясь бесконечной спиралью.

Иногда Слижюс нажимал кнопки, снимал блестящую сине-стальную деталь, менял резцы и снова пускал станок, а перед глазами у него все стояло маленькое, сильное, вдруг обмякшее тело Нарбутаса и то, как они тащили его из дымных пределов старой кузни.

В поликлинике Нарбутаса прежде всего повели в кабинет, набитый диковинными приборами. Здесь были высокие клетки вроде попугайных, но с человеческий рост. Стояли аккумуляторные ящики цвета слоновой кости, обвешанные резиновыми присосами и коленчатыми рычагами, похожими на конечности воображаемых марсиан. Больные взирали на все это почтительно и с верой.

Но кузнец оставался равнодушным. Он делал все, что от него требовали, – садился и ложился, дышал и не дышал, засучивал рукава и штанины, обнажал грудь и возлагал на себя влажные тряпки с электродами. Он не задал ни одного вопроса, как это обычно делают больные, а молча подчинялся, презрительно помаргивая ресницами.

Потом его посадили у дверей с надписью «Терапевтический» и сказали, чтобы он ждал вызова. Он скрестил руки на груди и посматривал по сторонам все с той же враждебной насмешливостью.

Все здесь оставалось для него странным и неприятным. И безжизненная белизна стен, и люди со скучными и встревоженными лицами, сидевшие в очереди к врачам, и сами врачи с их накрахмаленными ермолками, со свисавшими на грудь резиновыми трубками фонендоскопов, с блестящими металлическими дисками на лбу, делавшими их похожими на цирковых фокусников или на сказочных колдунов.

Все это, а особенно аптечная вонь, пропитавшая воздух, не только было чуждо никогда не болевшему Нарбутасу, но и возбудило в нем мучительные воспоминания. Да и эти люди, и

этот въедливый запах, и эти врачи с их пугающе озабоченными лицами – все это было вокруг него много лет назад, когда он сидел в больнице у постели умирающей молодой жены...

Нарбутас встал и подошел к окну.

Над рекой шелестели липы. Нерис быстро катила светлые воды среди крутых зеленых откосов. Высокий юноша сидел на скамье под деревом, мечтательно закинув лохматую голову. Попискивая, носились стрижи. От дальнего берега отвалил паром и медленно пополз поперек реки. Проплыла длинная шестивесельная гичка. Нарбутас узнал цвет спортивного общества «Жальгирис». Чистое удовольствие – смотреть на эти молодые, гибкие тела, которые мерно сгибались и разгибались, вынося весла и снова четко и сильно врезая их в воду.

Из кабинета, хлопнув дверью, вышла молоденькая медсестра. Она сказала повелительно:

– Гражданин больной! К доктору Стубра! Нарбутас оглянулся, чтобы увидеть, к кому обращаются.

Девушка повторила еще строже:

– Я вам говорю, гражданин больной!

– Мне? – спросил глубоко удивленный Нарбутас.

И, как ни тяжело ему было сейчас, он, поддавшись врожденной насмешливости, сказал:

– Можете называть меня просто: гражданин покойник.

– Гражданин больной, не позволяйте себе... – сказала девушка обиженно.

Доктор Стубра, рослый старик с седыми кудрями вокруг красного грубого лица, одобрительно посмотрел на атлетический торс Нарбутаса и сказал:

– Молодцом! Живота нет.

Нарбутас слегка пожал плечами: у кого же это он, интересно, в горячем цехе видел живот?

Врач посмотрел пленку кардиограммы, подняв ее на свет против окна. Удовлетворенно мотнул головой. Потом заглянул в разные бумажки и сказал:

– Что ж, ничего... И давление приличное. Прилягте, пожалуйста.

Он долго выслушивал Нарбутаса, передвигая холодную мембрану по обширной груди кузнеца, мял живот под ребрами.

– В данный момент не обнаруживаю ничего угрожающего, – заявил он, отвалившись наконец от Нарбутаса. – Можете успокоить ваших друзей. Они только что опять звонили с завода.

Нарбутас вздохнул с облегчением. Теперь доктор Стубра казался ему удивительно симпатичным и красивым.

– Значит, ничего?

Он переспросил просто для того, чтобы доставить себе удовольствие еще раз услышать эти приятные слова.

Врач не отвечал. Он усердно строчил в толстой тетради, а потом на узких длинных полосках бумаги.

– Я вам, голубчик, все распишу. Щадящая диета. Никаких супов. Ничего жареного. На ночь не есть. Не курить...

– Я не курю, – радостно вставил Нарбутас.

Доктор Стубра продолжал, склонив над бумагой свое топорное лицо, окаймленное артистической шевелюрой:

– ...небольшая прогулка перед сном. Ни в коем случае не утомляться. Вы, – он поднял глаза, – вы кем там на заводе?

– Я, доктор, кузнец. Я, значит...

– Кузнечную работу придется оставить. Легкие паровые куриные котлетки...

– Оставить? – переспросил потрясенный кузнец.

– Ну, – сказал врач, – какую-нибудь там легонькую работенку вы можете выполнять.

Нарбутас смотрел на него с ужасом: понимает ли этот медик, что он говорит?

– Доктор, – спросил Нарбутас тихо, – какая у меня болезнь? Говорите прямо, не бойтесь. Мы с вами мужчины...

Стубра улыбнулся, сверкнув не по летам молодыми зубами.

– Бог с вами, голубчик. Ваша болезнь называется «возраст». Вам нужно прежде всего хорошенько отдохнуть. Лучше всего – в санатории. Знаете, там и процедуры...

– Подождите, доктор...

– Да вы не беспокойтесь, путевку мы вам обеспечим.

Кузнец отер с лица пот.

– Понимаете, доктор, тут вот такая штука: мы взяли шефство над колхозом, нам надо отремонтировать...

Врач прервал его нетерпеливо:

– Вы инвалид. Понятно?

И он повторил раздельно.

– Ин-ва-лид.

Взглянув на притихшего Нарбутаса, доктор смягчился и сказал:

– Хватит, дружок, поработали. Вам давно пора на пенсию.

Нарбутас крикнул:

– Бросьте вы это! Я же никогда в жизни не болел.

Доктор положил руку кузнецу на плечо. Темное, грубо сколоченное лицо врача вдруг осветилось жалостью.

– Да, да... – сказал он мягко. – Я понимаю... Затянувшаяся молодость. Я сам пережил это... Что делать! Все когда-нибудь кончается.

Нарбутас пробормотал:

– Так скоро...

Стубра укоризненно покачал головой.

– Уж вам-то плакаться – грех. У вас подъем длился долго.

Нарбутасу всегда казалось, что жизнь только-только началась.

– Конеч, значит... – сказал он.

Врач нахмурился:

– Ну, ну, нельзя так распускаться. Да, мы с вами уже перевалили через вершину жизни, и сейчас мы, так сказать, по ту сторону холма. Но если разумно жить, то этот спуск под откос можно весьма и весьма удлинить и даже сделать довольно приятным.

– А вырваться?..

– Куда?

– Обратно, на эту сторону?

– Друг мой, это процесс необратимый.

Нарбутас сидел, опустив голову. Его небольшие, сильные руки с вьющейся копотью набухли кровью. Он сказал умоляюще:

– Доктор, я не буду очень напрягаться. Не буду подменять подручного. Я только...

Врач вздохнул и пожал плечами.

– Работа в горячем цехе вам противопоказана. Возьмите. – Он протянул Нарбутасу листок бумаги. – При соблюдении этого режима вы, голубчик, будете жить и жить.

Кузнец посмотрел на врача исподлобья.

– А при несоблюдении?

– Ну, знаете, – рассердился Стубра, – в конце концов, вы сами хозяин своей жизни!

Он встал.

– Минутку, доктор, – сказал Нарбутас жалобно, – а как насчет спорта?

Врач покачал головой.

– Повремените.

– Доктор, совсем немного. Я ведь тренированный. Я же не прошу у вас штангу или борьбу. Немножко настольного тенниса. Это ведь легкий спорт, дамский, детский...

– Ну, – сказал врач, колеблясь, – если не переутомляться, если в меру...

Нарбутас обрадовался. Он сказал вкрадчиво:

– И чуточку баскетбола, доктор, а?

– Вы со мной, голубчик, не торгуйтесь, – ответил Стубра устало.

– Но вот настольный теннис я у вас все-таки оторвал! – воскликнул кузнец, бодрясь.

– Не у меня, чужак вы этакий, поймите вы это, у себя отрываете, от своей собственной жизни...

Выйдя из поликлиники, Нарбутас побрел сам не зная куда. На одной из улиц возле парикмахерской он увидел зеркало на стене. Кузнец подошел к нему. В зеркале отразилось румяное молодое лицо.

Но Нарбутас взгляделся пристальнее. Он увидел морщины возле ушей, дряблые складки на шее, устало обвисшую кожу на веках... Конечно, все это появилось не сегодня. Но до сих пор он как-то не обращал внимания... Когда же она успела подкрасться, эта проклятая старость?

По зеркалу прошла тень. Что-то неуловимо знакомое почудилось Нарбутасу в очертаниях тощей фигуры. Кузнец обернулся. Но тень исчезла.

Засвистел милиционер. Еще раз. Тут только резкая трель проникла в сознание кузнеца.

«Чего он хочет? Ах, я перехожу улицу там, где нельзя. Да ну его к черту!..»

Регулировщик продолжал назойливо свистеть, и кузнец пошел прямо на него. «Вот наконец на ком можно будет сорвать все, что у меня на душе!»

Но, сделав несколько шагов, Нарбутас подумал: «В конце концов, он же не виноват в том, что произошло со мной», – и вернулся на тротуар.

Милиционер искоса следил за Нарбутасом: пойдет ли он теперь, как полагается?

Но кузнец больше не стал пересекать мостовую, а пошел по тротуару вдаль, словно ему все равно было куда идти.

А ему действительно было все равно. Он шел без цели, шел просто потому, что не мог не двигаться. Ему казалось, что, если он остановится, то упадет.

Он огляделся. Да ведь это площадь Кутузова! Машинально пришел он к месту, которое больше всего любил в городе. Под университетской стеной качались, поскрипывая, высокие старые тополя. Распахнулись чугунные ажурные ворота, из двора выкатил шумная стайка велосипедистов. Блестели обнаженные ноги, и пестрели на головах туго натянутые цветные шлемы. С металлическим шорохом обтекали они, весело перекликаясь, старого кузнеца. За оградой Дома офицеров нежно мурлыкал духовой оркестр, репетируя танцы. Ах, как хороша жизнь!

«Черт! – прервал свои мысли кузнец. – Сейчас я его поймаю».

Он спрятался за колонну.

А через минуту выскочил и оказался носом к носу с Губертом.

Тот испуганно шарахнулся.

– Куда ты? Стой! – Нарбутас схватил его своей железной, рукой.

– Пустите, дядя Антанас! – взмолился молотобоец.

– Кто тебя держит? Иди.

– Так вы ж меня держите.

– Ах, ты заметил? – деланно удивился кузнец. – Смотрите, пожалуйста, какой сообразительный. Ну, рассказывай.

– Что?

– Все. Зачем шпионишь за мной?

– Я? Шпион? Накажи меня бог! Что, разве я не могу гулять где хочу?

Нарбутас слегка сжал ему руку.

– Ой, дядя Антанас! Ну ладно. Мне товарищ Слижюс приказал, чтоб я незаметно сопровождал вас. Вы же больной, мало ли что...

Нарбутас отпустил руку юноши.

– Иди своей дорогой, – сказал он.

Но Губерт не отставал.

– Дядя Антанас, – робко спросил он, плетясь за кузнецом, – а что вам сказал доктор?

– Доктор? Вот что, Губерт, переходи-ка ты к Виткусу. Тебе с ним будет неплохо. Мужик он справедливый, толковый. Я поговорю, чтоб он взял тебя в подручные.

Губерт остановился. Мальчишеское лицо его дышало обидой.

– За что вы меня так, дядя Антанас? Думаете, я совсем неспособный? Это я такой только поначалу. Вот увидите... Я нажму... Честное слово.

Голос его прерывался от волнения. Он уже забыл, как мысленно обзывал Нарбутаса «старым придирай», как он завидовал подручным других кузнецов. Теперь он страстно хотел одного: работать вместе с этим вспыльчивым маленьким чертом, то веселым, то яростным, но всегда таким горячим, что рядом с ним все другие в кузне казались скучными.

Нарбутас покачал головой и сказал:

– Сеанс окончен. Я уже не кузнец. Все. Я больше не вернусь в кузню.

– Не вернетесь? – недоверчиво переспросил Губерт. – Ну да, вы меня разыгрываете.

– Слушай, ты, теленок, – сказал кузнец, – видишь вон того красавца?

Впереди ковылял одноногий старик, стуча костылями.

– Вали к нему и скажи: «Я извиняюсь, гражданин Рубль-Двадцать, вы, часом, не участвуете в эстафетном пробеге по городу на приз газеты «Советская Литва»?»

Губерт рассмеялся.

– Ну что вы сравниваете, дядя Антанас! Он же хромой, а вы...

– А я тоже хромой – на сердце, – сказал Нарбутас, резко повернулся и пошел.

Подручный, опешив, долго смотрел вслед маленькой, быстро удалявшейся фигурке кузнеца, потом побежал за ним.

Он догнал его, когда тот входил в троллейбус.

Нарбутас с досадой посмотрел на запыхавшегося юношу.

– Ты еще долго будешь у меня на буксире?

Худенькая черноволосая девушка приподнялась и вежливо сказала:

– Садитесь, пожалуйста.

Кузнец нахмурился. «Дожил! Девушка ему уступает место!»

Кто-то сзади добавил:

– Садись, папаша. Старикам у нас всюду почет.

Нарбутас бросил на девушку взгляд, который он считал неотразимым, и сказал:

– У мужчин нет возраста.

Девушка смущенно улыбнулась. Она ничего не ответила, но, видимо, была другого мнения, потому что через минуту весело разговаривала с Губертом.

Все же Нарбутас сел. Он чувствовал усталость. Он все время прислушивался к чему-то внутри себя. Ему казалось, что сердце его как-то странно трепещет.

«А может, – подумал он, – это тряска троллейбуса?..»

Он рассердился на себя.

«Какого черта, в самом деле! Я становлюсь мнительным, как баба...»

Ему казалось, что все смотрят на него и читают его мысли. Осторожно, с притворным равнодушием он обвел взглядом окружающих. Никто не смотрел на него. Человек, назвавший его «папашей», дремал, запрокинув голову.

«Да ведь он старше меня», – мысленно возмутился Нарбутас и оглядел его с головы до ног. Серые космы, запавший рот, увядшая шея, руки со склеротическими жилами. Не отрывая

глаз от его крупной согбенной фигуры, широких плеч, сильных кистей рук, кузнец подумал: «Да, это был человек...»

А почему, собственно, «был»? Он есть! Вот же он сидит рядом, живой, сильный еще.

Но в глубине души Нарбутас не мог не признать, что все живое, сильное, беспокойное, что было в этом человеке, ушло из него, и притом безвозвратно.

И кузнецу стало жалко себя до слез.

На остановке он встал и вышел из троллейбуса. Губерт, увлеченный разговором с девушкой, не заметил этого.

Нарбутас без конца бродил по городу. Он любил Вильнюс и словно прощался с ним в тот день.

Взобравшись на башню Гедимина, он прислонился к кирпичному парапету и долго смотрел вдаль. На востоке небо уже наливалось темнотой, а запад еще пылал.

Ветер подвывал в бойницах старой крепости. Над головой трещал флаг, словно где-то рядом раздирали полотно. Черепичные кровли, синие прожилки переулков, столбы дыма над крышами, древние колокольни, лесистые холмы, обступившие город, – все это сквозь волшебную линзу пространства выглядело легким и нарядным.

Почувствовав усталость, кузнец спустился вниз, в сад Молодежи. Он сел на скамью. Рядом стояло дерево. Нарбутас уставился на него с таким вниманием, словно впервые в жизни увидел сосну. Боже ж ты мой, до чего хорош этот мир! Кора внизу пестрая, как тигровая шкура. А повыше убрана нежными бронзовыми чешуйками. Ствол немыслимой прямизны – кузнец задрал голову – уходит вверх, туда, к кудрявой, игольчатой, недоступной верхушке.

А еще выше – облака. Закатное солнце мазнуло по ним буро-золотой краской. Тут, на земле, ветер гонит косяки пыли, свистит в листве, тревожит, томит. А там, в небе, – мир, покой и эти недвижные нежные громады, подернутые бурым золотом...

Сзади послышалось тяжелое железное скрипение.

Кузнец оглянулся. В воздухе плыла большая пальма. Подъемный кран осторожно нес ее к свежерытой яме.

Кругом стояла толпа. Люди не отрываясь смотрели на пальму, дивясь ее приторной, ненашей красоте. Она и шуршала как-то по-чужому своими глянцевыми саблевидными листьями.

Стрела крана остановилась и принялась бережно спускать в яму толстый кольчатый ствол пальмы, опутанный мохнатенькой темно-серой паутиной.

– Анекдот, а не дерево, верно? – обратился к Нарбутасу сосед.

Кузнец отвернулся и быстро пошел. Он почти и не видел пальмы. Но он хорошо разглядел крюк, к которому она была подвешена.

Это был его крюк, один из тех, которые он ковал своими руками. Раз он не может больше делать их, он и видеть их не хочет! С этой жизнью покончено. Он уйдет на пенсию. Да, да, подальше от кузни! Подальше от Вильнюса! Он вспомнил, что у него были дальние родственники где-то в Укмерге. Правда, они могли оттуда уехать. Но он их разыщет. Да, решено, он поселится в Укмерге или еще там где-то, будет копать в огороде, качать на колене малых ребят и медленно угасать.

Но крюки словно сговорились не отставать от него. В городе много строили, и всюду торчали ажурные ручищи подъемных кранов. Крюками, изогнутыми как кисти рук, они хватали ящики с кирпичами, бадьи с раствором, балки, бетонные плиты. Нарбутас никогда не замечал, что их так много, этих железных ладоней, повисших в воздухе над городом. Измученный, забрался он в старинные переулки. Здесь ничего не строили. Он углубился в тесную, как расщелина, улицу Гедрио и побрел по лабиринту старого Вильно.

Закат еще не померк, но первые звезды уже загорались на узких полосках неба над стенами старых домов. Тут было темновато, почти безлюдно. Идти бы так вечно в этом полумраке,

не привлекая ничьих взглядов и самому никого не трогая, шагать без мыслей, без цели, не тревожа надломленного сердца.

Коленчатый переулочек неожиданно вывел кузнеца на шумную улицу. Она была налита доверху музыкой и машинным грохотом. Гудели автомобили, где-то заливалось радио, мотоциклы пронеслись с пулеметным треском, в окнах надсаживались патефоны. Люди сталкивались, расходились, смеялись, спорили, толпились у витрин, где ослепительно трепетало голубоватое химическое зарево газосветных ламп.

Ах, как любил прежде Нарбутас этот бойкий квартал, нескончаемое снование прохожих, хлопающие двери пивных, смутный уличный гам, тонкие силуэты женщин, казавшихся неотразимо прекрасными в этот сладко-томительный вечерний час! Еще вчера, смыв с себя копоть и распустив по ветру цветастый галстук, гулял он здесь, беспечный, счастливый.

Сейчас, с поникшей головой, кузнец тащился вдоль стен, мечтая об одном: поскорее вынырнуть из этого веселого кипения жизни. Он все прислушивался к чему-то внутри себя. Ему казалось, что он не может заглотать в грудь достаточно воздуха. Он приложил руку к сердцу. Но, услышав его мягкие частые толчки, тотчас отдернул ладонь. Сердце ужасало Нарбутаса своей неподвластностью его воле. А вдруг этому самостоятельному существу наскучит его однообразная стукотня и оно вздумает остановиться? Может быть, это произойдет в следующую минуту, а?

Кузнец замер на месте и с пугливой мольбой повел глазами по сторонам. Но никто не видит его, он стоит под кленом на краю тротуара, дерево прикрыло его своей широкой тенью.

Кто-то рядом грубо выругался.

Нарбутас машинально повернул голову.

У ворот, прислонившись к стене, стояли три парня. Молчаливые, неподвижные, с руками в карманах, они пренебрежительно оглядывали прохожих и иногда отпускали им вслед издевательское или бранное словцо. Люди поспешно проходили мимо, стараясь не смотреть на парней.

Нарбутас оперся о дерево. Ему показалось, что в груди у него что-то стеснилось. Он зажмурился в тоскливом предчувствии: вот-вот она опять вонзится в сердце, эта проклятая длинная игла. Ему чудилось, что он уже чувствует ее холодное колючее острие.

Рядом кто-то сказал:

– Оставьте меня! Ну пустите же!

Девушка лет семнадцати, тоненькая, с косицами, уложенными вокруг головы, с книжками в руках, видно, школьница, металась по тротуару. Один из парней, посмеиваясь, не давал ей пройти. Это был стройный белокурый юноша, хорошенький, с бледным и нежным лицом алебастрового херувимчика. Расставив руки, он преграждал девушке дорогу: она направо – и он направо, она налево – и он туда же. Двое других, прислонившись к стене, дымя сигаретками, с усмешкой наблюдали и изредка раздражались по-ощрительными возгласами.

– Брось ломаться, пойдем с нами, – говорил херувимчик, оттесняя девушку к стене.

Другой, сутуловатый верзила со впалой грудью, с утиным носом на истасканном лице, выплюнул окурок и сказал негромко:

– Чего там с ней цацкаться. Хватай ее за то самое и тащи во двор.

Херувимчик рассмеялся и притянул к себе девушку. Она вскрикнула и рванулась. На тротуар посыпались книги, тетрадки, покатилась ручка, запятнанная чернилами. Темные косы разметались. Девушка беспомощно озиралась. А юноша не выпускал ее плечика, сияя своим нежным, точеным лицом, уверенный, что он не может не нравиться.

Вдруг девушка наклонила голову и укусила его за руку.

Херувимчик выругался. Он грубо обхватил ее и поволок к полутемному подъезду. Другой рукой он зажимал ей рот.

Нарбутас вышел из тени. Все его горе, все его сердечные муки вдруг пропали. Сейчас он чувствовал одно: бешеную ярость. Так могла бы чувствовать бомба за секунду до взрыва.

Он схватил херувимчика за шиворот и сильно потрянул его. Тот вырвался и отскочил. Жестокая гримаса, искажавшая его красивое лицо, сменилась удивленным выражением. Он поправил воротничок, усмехнулся и посмотрел на приятелей. Они переглянулись. Потом все трое неспешно с разных сторон стали приближаться к кузнецу, окружая его.

Внезапно верзила с утиным носом толкнул Нарбутаса. Он попал в объятия херувимчика, который отшвырнул его к третьему парню. Это был щеголь с напомаженной головой, низким лбом и круглой спиной, похожий на элегантную обезьяну. С неожиданной в таком щуплом человеке прытью он толкнул Нарбутаса в грудь. Кузнец влетел в подъезд. Вся эта операция была проделана бесшумно и молниеносно. Нарбутас понял, что он дал провести себя: они загнали его в темную подворотню, как шар в лузу, и здесь возьмутся за него.

Он хотел сказать: «Ребята, что ж это за мода такая: втроем на одного?..»

Но надо было дать девушке время исчезнуть. Отступая в глубь арки, он видел, как она подобрала книги, оглянулась и опрометью побежала вдоль по улице.

Кузнец, расставив ноги пошире, опустил подбородок к груди, выдвинул левое плечо. Кулаками он прикрыл лицо, локтями – сердце и печень.

Парни не заставили ждать себя. Они ринулись на него разом.

Нарбутас отразил удар напомаженной обезьяны и увернулся от кулака херувимчика, нырнув ему под руку. Но его настиг верзила. Правда, удар пришелся в ухо, а не в сонную артерию, куда, видно, тот метил. Все же в голове у кузнеца сильно загудело, и по щеке тепло заструилась кровь.

Нарбутасу опять захотелось попросить: «А может, хватит, ребята? Я инвалид все же...» Но гордость не позволила ему сказать это.

А вскоре он и вовсе забыл о своей болезни. Он никогда не мог делать два дела сразу. Болеть так болеть. А уж драться так драться.

Он дрался расчетливо. Он не нападал, а только старался отражать удары. Он вертелся между тремя парнями с такой быстротой, что всюду, куда они ни совались, они встречали сухие и твердые кулаки кузнеца. Он бился покуда вполсилы. Он берег себя. Он стремился выиграть время. Он надеялся, что девушка приведет милицию. Не может быть, чтобы она бросила его на растерзание хулиганам.

Слышалось тяжелое сопение, шарканье ног, глухой хряск ударов. Дрались молча. Только херувимчик натужно ухал, замахиваясь. Люди, проходившие по улице, косились на тени, мечущиеся в подъезде, и ускоряли шаги.

Нарбутас старался подобраться к стене. Путь к ней преграждал верзила с утиным носом.

Кузнец внезапно атаковал его, не обращая внимания на двух других. Он едва доходил верзиле до плеча. Хулиган поначалу опешил под яростным натиском этого неистового маленького старика. Но быстро оправился и сильным тычком в грудь швырнул кузнеца наземь. Нарбутас тотчас вскочил, но все же успел получить несколько чувствительных ударов. Один из них, в темя, был настолько болезненным, что у кузнеца на несколько секунд помутилось в голове.

Тем не менее он решил завоевать стену во что бы то ни стало. Он переменил тактику и стал действовать хитростью. Он оставил верзилу и накинудся на того, кто казался ему слабейшим из трех – на обезьяноподобного франтика, державшегося несколько позади. Двое других, как Нарбутас и ожидал, тотчас бросились на помощь франтику.

Тогда кузнец повернулся на сто восемьдесят градусов и, описав рукой крутую молниеносную дугу, всадил верзиле кулак под самую грудинную кость, в солнечное сплетение.

Хулиган бессильно вскинул руки, сделал несколько неверных шагов и грохнулся наземь.

Теперь Нарбутас стоял у стены. В голове у него продолжало гудеть, из расплющенного уха капала кровь. Но, в общем, стало легче. Очевидно, это ощущение на миг притупило бди-

тельность Нарбутаса, потому что в тот же момент он получил увесистый удар в зубы от херувимчика.

Он слизнул кровь с разбитой губы и схватился с херувимчиком, не очень обращая внимание на франтоватого типа, по-прежнему державшегося несколько позади. Теперь кузнец дал волю своей атлетической силе. Им овладел жуткий восторг драки. Все, что он когда-то знал и умел в боксе, все сокровенные приемы, ложные выпады, удары на поскоке – все это постепенно всплывало в памяти Нарбутаса. Он размеренно обрабатывал херувимчика классическими крюками в корпус и неотступно теснил его вдоль стены.

Вдруг он почувствовал боль в ноге, да такую резкую, что упал на колени. Оба хулигана тотчас набросились на него сверху. Особенно старался франтик с напояженной головой.

Кузнец медленно подымался, опираясь спиной о стену и закрываясь от ударов. Но костлявые, по-обезьяньи длинные руки франтика прорывались сквозь эту ограду. Правый глаз Нарбутаса вспух, в боку томительно заныло. Он задышался. В ушах стоял звон. Цветные спирали вертелись перед глазами. Было похоже на бред. Кузнецу чудилось, что он видит красное лицо доктора Стубры. Оно тоже кружилось и что-то кричало...

Новая резкая боль вернула Нарбутаса к сознанию. Он заставил себя открыть глаза. К счастью, левый глаз еще видит.

Ах, вот оно что! И как ни было плохо кузнецу, он в гневе рванулся вперед с такой силой, что хулиганы невольно подались назад. Оказывается, что в то время, как этот напояженный шимпанзе обрабатывал Нарбутаса сверху, херувимчик молотил его снизу ногами.

Вот и сейчас кузнец едва увернулся от страшного удара каблуком в пах. Нарбутаса взяла злоба. Вот как, значит, дерутся эти молодчики! Ему приходилось на своем веку влипать в уличные драки. Но никогда люди не били друг друга ниже пояса.

Нарбутас вздохнул полной грудью (наконец опять дышится!) и извлек из сокровищницы своих ударов самый верный, самый точный, самый меткий. Когда-то это был его коронный удар, который он приберегал для нокаутов.

Он оттолкнулся носком правой ноги и ударил херувимчика в подбородок, так что в удар влилась сила не только руки, но всего тела, его масса, его тяжесть, вся его мощь, истраченная еще не до конца.

Херувимчик тихонько хрюкнул, дважды повернулся вокруг своей оси и пал бледным точеным лицом на асфальт.

Нарбутас не позволил себе ни секунды затратить на передышку или на смакование успеха. Он повернулся к щуплому франтику. И вовремя. Тот подбирался сбоку неслышной, кошачьей походкой. Черные волосы его, гладко зачесанные назад, матово блестели в тусклом свете лампочки. Шаги его были легки, скользящи. Круглая спина, казалось, изогнулась еще больше, и руки стали еще длиннее. Он был похож сейчас на сжатую пружину.

Значит, один на один. Кузнец вздохнул с облегчением. Пусть лицо измолочено, пусть правый глаз не открывается и под ребрами ноет. Но самое тяжелое позади. Уж с одним-то он, во всяком случае, справится. Да еще с самым слабым из них.

Кузнец сам двинулся на хулигана. Чего там с ним канительиться! Дать ему левого крюка в челюсть и он смирненько уляжется рядом со своими приятелями, которые валяются на грязном асфальте подъезда, суча ногами и обморочно всхлипывая. В этот момент Нарбутас увидел, что в руке у обезьяны блеснул нож.

Кузнец отпрянул к стене и крикнул:

– Ты брось это, слышишь? Давай кончим так на так, а?

Франтик не отвечал. Он медленно приближался, морща низкий лоб и не сводя глаз с Нарбутаса. Нож он держал в опущенной руке лезвием вверх.

«Хочет пропороть снизу...» – с ужасом подумал кузнец.

Он не знал, что делать. Вперед, на улицу? Поздно, не успеешь. Назад, во двор? Страшно повернуться спиной...

Хулиган продолжал медленно надвигаться, и кузнец так же медленно отступал. Между ними сохранялось одно и то же расстояние в пять-шесть шагов.

«Хочет загнать меня во двор, – лихорадочно соображал Нарбутас, – и там, где-нибудь в закоулке...»

Он покосился назад. Она была уже совсем близко, темная, молчаливая ямина двора.

Нарбутас решил. Он быстро шагнул назад, словно собираясь нырнуть во двор.

Франтик бросился за ним.

Тогда кузнец резко остановился и швырнул свое маленькое тело под ноги хулигану. Тот споткнулся и упал.

Оба вскочили. Но кузнец на мгновение раньше. Это решило. Он успел, пока шимпанзе поднимался, с ходу двинуть его левой рукой в голову, правой в подбородок и левой туда же. Эти три удара следовали с такой быстротой, что слились в один.

У франта дернулась голова и клацнули зубы. Глаза его стали мутными, как у пьяного.

Но удары Нарбутаса уже не имели прежней силы, и хулиган стоял на ногах. Качаясь, он занес над шатавшимся кузнецом нож.

Нарбутас с трудом поднял обессилевшую руку. Ударить он уже не мог. Егохватило только на то, чтобы ткнуть разбитыми костяшками пальцев в напوماженную голову франтика.

Однако этого движения оказалось довольно. Голова хулигана мотнулась и повисла. Нож со звоном упал. Франтик как-то странно взвизгнул и покатился по земле.

Кузнец оперся о стену. Кровь с безумным шумом носилась по его жилам. Целый мир грохотал и вопил в ушах. Перед глазами бушевали радужные вихри. Последней ясной мыслью его было: «Я здоров... Здоров!...»

Он скользнул спиной по стене и, теряя сознание, повалился на бесчувственные тела хулиганов.

В таком состоянии и застал его прибежавший милиционер.

– Оглох, что ли? Левей, говорят тебе, чурбан ты безглазый!

Теперь Губерт не обижался на Нарбутаса. С радостной готовностью хватил он по поковке. Он был уверен, что не промахнулся.

Но кузнец прогудел досадливо, совсем как прежде:

– Дай-ка мне.

Губерт испуганно обеими руками прижал кувалду к груди:

– Нет, нет, дядя Нарбутас, вам нельзя!

Юноша сказал это намеренно громко, почти выкрикнул.

От соседних горнов двинулись Копытов и Виткус.

Но Нарбутас успел выхватить кувалду из рук Губерта и с силой обрушил ее на поковку. Потом вызывающе посмотрел вокруг себя. Правый глаз его был прикрыт повязкой, ухо забинтовано, скулы, лоб, подбородок – в черных крапинках пластыря. Но то, что оставалось от лица, расплылось в озорной, подкупающей улыбке. А единственный глаз лукаво сощурился: еще, мол, не вечер, мужчины!

Копытов засмеялся и вернулся к своей наковальне.

Виткус неодобрительно поджал тонкие губы.

– Ай-яй-яй! – сказал Копытов насмешливо.

С притворным сожалением покачал он своей низко остриженной головой. Он сохранил не только мальчишеские ухватки, но и стрижку подростка: по бокам коротко, впереди чубчик. В утешение Виткусу он добавил:

– Ну, тюкнул человек разочек. Подумаешь! Ничего ему не сделается.

В обеденный перерыв кузнецы уселись на зеленом откосе под забором. Заводскую столовую все еще перестраивали, а тащиться в закусочную за два квартала по жаре не хотелось. Так славно сидится на травке в прохладной тени старой липы. Зайончковский перевернулся на спину, смотрел, щурясь, на ослепительно-синее небо и медленно перебирал четки. Виткус сорвал одуванчик, дунул на него и задумчиво следил, как оседают разлетевшиеся в воздухе крошечные парашютики. Нарбутас смежил единственный глаз и, казалось, дремал. Дремал и подсевший к кузнецам Слижюс. Всеми овладела сладостная лень обеденного перерыва. За изгородью шумели могучие ели в парке Вингис, ветер гнал оттуда свежий, чуть пряный запах хвои. Один Копытов хлопотал, раскладывая на чистых газетах помидоры, желтоватый просоленный сыр с тмином, сочные ломти копченого угря, источающие розовый жир. Потом он вынул из сумки бутылку пива и выразительно щелкнул по ней ногтем.

Нарбутас очнулся и протянул пластмассовый стаканчик. Друзья переглянулись. Все знали, что он прежде не пил даже пива.

– Слушай, герой, – сказал Слижюс, – ты все-таки не зарывайся.

Виткус покосился на стаканчик Нарбутаса и сказал:

– Смотрите на него, клébонишкой обзавелся.

– Чем, чем? – удивился Копытов.

Он говорил по-литовски не хуже, чем по-русски, но некоторых разговорных словечек все-таки не знал. Большой рот его заранее складывался в веселую улыбку.

Виткус пояснил:

– Клебонас – это клébонас. Ну что ты, не понимаешь? Это главный ксендз в костеле, настоятель по-вашему, или как там его. Ну, у него рюмка, значит, по чину солидная, граммов на сто, клébонишкой она называется.

Зайончковский буркнул:

– Неостроумно.

– А что, скажешь, в народе так не говорят?

Зайончковский, как всегда, ответил не сразу. Мгновение длилась эта пауза, но именно она лишала его речь прямоты.

– Мало ли чего в народе говорят, – недовольно сказал он наконец.

Он не любил насмешек над всем, что относилось к церкви.

Нарбутас высоко поднял свою клébонишку и комически-торжественным голосом провозгласил тост, подмигнув при этом в сторону Зайончковского:

– Ну, мужчины, дай бог, чтобы Бог дал!

Все засмеялись.

Копытов отправил в рот кусок угря и проговорил невнятно:

– Пускай Антанас лучше расскажет, где его путевка.

– А я ее сунул под бюст Иозаса.

Грохнул смех, да такой громкий, что с мохнатой ели, переваливавшей через забор, взлетела стая ворон, треща крыльями и гортанно отругиваясь.

Кто бывал у Нарбутаса дома, тот знал, что там на комодке стоит гипсовая статуэтка Гоголя, приобретенная когда-то из-за поразительного сходства с Иозасом Виткусом. Великий сатирик, ссутулившись и уныло свесив длинный нос, меланхолично взирал на пылившиеся под его пятой прошлогодние квартирные жировки, старые письма, пожелтевшие театральные программки. В этот бумажный хлам Нарбутас сунул путевку в Кисловодск, добытую для него завкомом.

– Смейтесь, смейтесь, мужчины, – укоризненно сказал Виткус. – А все-таки курорт – это курорт. Когда я в Сухуми...

Кузнецы закричали:

– Слышали! Слышали!

– Когда едешь пароходом, кругом море. Прямо чудеса.

Виткус процедил, обиженно поджав тонкие губы:

– Обратно я не морем, я летел.

– И кругом, верно, был воздух, а? – с ехидной вежливостью осведомился Нарбутас.

Виткус попробовал было оскорбленно надуться, но не выдержал и присоединился к общему смеху. Некоторое время все молча ели. Наконец заговорил Зайончковский. Он обтер свои отвислые седоватые усы, закурил, привалился спиной к забору и, дремотно глядя вдаль, сказал:

– Прошлый год жена ездила в Друскеники. Пила там какую-то тухлую водичку. Помогло это ей, как мертвому греку банки. Только потратилась.

– А что врачи говорят? – лениво поинтересовался Слижюс, тоже закулив.

Зайончковский пренебрежительно пожал дюжими плечами. Потом:

– Дура она, что ли, по врачам бегать?

Слижюс сокрушенно покачал головой:

– А ведь с виду, Стефан, ты как будто человек культурный.

Копытов закричал:

– Ай, Костас, иди ты со своими врачами! Что, ты не видишь по Антанасу, чего они стоят, все эти твои врачи с их шприцами и порошочками, чтобы их разорвало!

Подручные, из подражания кузнецам также расположившиеся на траве со своей снедью, жадно прислушивались к их разговору.

После случая с Нарбутасом в кузнице было принято подтрунивать над медициной. Вот они, наши лекари! Хотели упечь Антанаса в инвалиды. Ничего себе калека, а? Один голыми руками расклепал трех вооруженных хулиганов.

Описание этого боя каждый мог прочесть в свежем номере цеховой стенгазеты «Механизатор». Там же красовалась вырезка из «Советской Литвы» с рассказом о мужестве старого кузнеца. И рядом – приказ по милиции и благодарность Нарбутасу, а также письмо от спасенной им девушки. А над всем этим фотография кузнеца – в шляпе с лихим заломом, с веселой, хитровой улыбкой на моложавом лице.

Копытов не умолкал:

– Так что, ты говоришь, наши мудрецы медики у тебя там нашли, Антанас? Аппендицит? Холеру?

Зайончковский язвительно вставил:

– Сердечко у него, видишь ли, цыплячье, у этого бугая.

Виткус добро улыбался всем своим длинным лицом и повторял:

– Потеха, мужчины!

А Копытов не унимался:

– Как? Как? Повтори еще раз, Антанас. Процедуры? Легкие куриные котлетки? Ой, не могу, чтоб меня разорвало! А еще что? Может, мамку, чтоб она тебя кормила на ночь титькой?

Кузнецы заставляли Нарбутаса без конца рассказывать о поликлинике. Он охотно соглашался. Каждый раз он украшал свой рассказ новыми фантастическими подробностями. Сейчас он уверял друзей, что «у этого краснорожего доктора Стубры карманы полны камешками. Ну что вы, не понимаете? Разрезал больному печенку или там мочевого пузырь, а они, оказывается, здоровые. Так он больному под нос камешек – вот, мол дорогуша, что я выудил из вашего пузыря...»

Потом шли рассказы других кузнецов. Никто не хотел отстать.

Слижюс поначалу смеялся вместе с другими. Он знал, что этот молодецкий «треп» – не более чем бравада, предназначенная для подручных, благоговейно внимавших разговору кузнецов. Слижюс знал, что эта четверка «мушкетеров» из старой кузни – ребята непростые и каждый из них гораздо серьезнее, чем казался на вид. Виткус, например, страстный люби-

тель-ихтиолог и вывел несколько новых рыбок. Стефан Зайончковский повидал свет, был даже по ту сторону океана. Саша Копытов – студент-заочник. Ну, а об Антанасе и говорить нечего – о чем ни спроси его, он все знает.

Но когда Копытов, давась от смеха, выволок на свет древнюю легенду о ноже, забытом рассеянным хирургом в брюхе больного, а Зайончковский, солидно покашливая, предъявил басню о какой-то чудотворной иконе, которая, представьте себе, воскрешает даже безнадежных дохляков, и даже молчаливый Виткус, разжав тонкие губы, промурлыкал заплесневелый анекдот о покойнике, чихнувшем в гробу по дороге на кладбище, – Слижус не стерпел. Повысив голос (специально для подручных), он заявил кузнецам, что от их болтовни вянут уши, и потребовал прекратить это «дуракавалянье», недостойное, по его словам, взрослых людей.

А кузнецы, растоптав в прах медицину, подымались с травы и шли, окруженные восхищенными молотобойцами, к своим наковальням и там до ночи били, гнули, крутили и распиляли огненно-желтый покорный металл.

Время от времени, хотя ему решительно там нечего было делать, появлялся в кузнице Слижус. Словно ненароком, проходил он мимо Нарбутаса, искоса бросая на него беглый, пыливый взгляд.

Эта опека начинала раздражать кузнеца. Неужели он не доказал, черт побери, знаменитой дракой с хулиганами, что в нем еще вдоволь здоровья и силы! С таким трудом, даже с риском для жизни он вернул себе молодость, а они своими заботами хотят затолкать его обратно в старость. Нет, черта лысого!

Он возобновил встречи с одной старой знакомой. Ее звали Агота Даргене. Она работала кассиршей в закусочной. Он и раньше захаживал туда с приятелями – сам-то он не пил, но любил шумную, веселую компанию. А кроме того, ему немножко льстило, что он нравится этой хотя уже и не очень молодой, но все еще довольно приятной на вид женщине.

Она встречала его с удовольствием. Она любила веселых, живых людей. К тому же он такой щеголь. Ни за что не скажешь, что он простой кузнец и что ему столько лет.

Нарбутас даже подумывал, не покрасить ли ему волосы. Ему посоветовали хороший, стойкий восстановитель. Но в конце концов он нашел, что седина ему больше к лицу. Теперь, когда он смотрел в зеркало, он задирал голову так, чтобы кожа на шее натягивалась. В таком положении она выглядела еще довольно свежей. При этом он слегка зажмуривал глаза, чтобы видеть себя неотчетливо.

Первое время Нарбутас остерегался тяжелой работы. Но это длилось недолго. Все чаще он выхватывал молот из рук Губерта. Воспоминания о победоносном бое с хулиганами подбадривали старого кузнеца. Мало-помалу страхи его исчезли. Постепенно Нарбутас перестал бояться физического напряжения. Наоборот, он словно играл своей силой, щеголял ею. Он стал работать на двух горнах и вызвал на соревнование Зайончковского. Теперь у Нарбутаса было два подручных, и обоим он задавал жару. А так как на завод поступил крупный и срочный заказ, то любое ускорение темпов было всем на руку. В этой горячке работы память о былой болезни Нарбутаса постепенно испарялась.

Как-то на завод – в связи все с тем же заказом – приехал министр. Он несколько разочаровал рабочих своим видом: сухонький, юркий, никакой солидности. Только Виткус уважительно пробормотал:

– Министр – это министр...

Заводское начальство провело гостя по всем цехам, кроме кузни. Но министр был, видать, тертый малый. Он остановился во дворе, повел носом туда-сюда – точь-в-точь старый, опытный пойнтер, почуявший дичь, – и спросил:

– А где у вас тут кузница, товарищи?

Войдя в кузню, министр сказал с деланным удивлением:

– Так это мы где, собственно?

Директор бессильно улыбнулся и ответил:

– В кузнечном цехе.

Министр посмотрел на директора с обидной жалостью.

– Вы в этом уверены? А по-моему, мы в историческом музее. Экспонат: кузнечное производство в восемнадцатом веке.

Директор, главный инженер, главный технолог и прочие главные притворно засмеялись.

Кузнецы переглянулись. Виткус, увидев в глазах у Нарбутаса опасный огонек, дернул его сзади. Но поздно; старый кузнец уже ринулся в бой. Он сказал, скрестив на выпуклой груди голые, закопченные, могучие руки:

– А я вот, например, товарищ министр, в этом музее даю сто восемьдесят процентов сверх плана. Да и другие ребята не намного отстали...

Он обвел жестом товарищей и добавил, дерзко блеснув глазами:

– Вот они все здесь перед вами, наши музейные работники.

По кузне пошел сдержанный смешок.

Министр внимательно посмотрел на Нарбутаса.

– Честь вам и слава, товарищи, – сказал он. – Но мы хотим выжимать эти сто восемьдесят процентов, а может, и больше, не из вашей мускульной силы, а из механизмов, из технологии. А у вас тут техника на уровне эпохи царя Гороха.

Министр поправил себя:

– То есть я имею в виду не весь завод, а именно кузнечный цех.

Он добавил, усмехнувшись:

– А потом, ведь вы даете эти проценты как? Навалом! А вот взять, к примеру, товарищ...

Он вопросительно посмотрел на окружающих. Ему тотчас охотно подсказали: «Нарбутас».

– Товарищ Нарбутас, – продолжал он, – лопатки для этих небольших турбин – ну, вы знаете, конечно, – так вы же ни одной не сделали. Я вас не обвиняю, тут нужна машиннаяковка.

– Сделаем! – вдруг сказал Нарбутас.

Копытов, Стефан и прочие кузнецы с ужасом посмотрели на него.

– Руками не сделаете, – сказал министр серьезно. Потом улыбнулся и добавил: – Я ведь сам немножко из кузнецов.

– Ну, не знаю, из каких. А я сделаю, товарищ министр! – вызывающе повторил Нарбутас.

Министр с насмешливым сожалением посмотрел на него, кивнул кузнецам и пошел прочь, маленький, порывистый, немного похожий на Суворова.

Потом министр осмотрел строительство новой кузницы, язвительно отозвался о строениях и обещал нажать на них.

В этот день, закусывая на траве под липой, кузнецы судачили не о медиках, а о министрах.

Зайончковский мечтательно вспоминал:

– Весной к нам приезжал замминистра тяжелой промышленности. Вот это мужчина! Килограммов на сто пятьдесят! Помнишь, Антанас? А этот? Писклявый, вертлявый, всюду нос сует.

Даже справедливый Виткус признал, что в этом министре, как он выразился, «смотреть не на что».

Нарбутас презрительно усмехнулся:

– Тут, под забором, вы все храбрые. А что ж вы в цеху молчали, как пацаны? Приезжает, понимаешь, раз в год на полчаса, и на тебе: не кузня, а музей. Так каждому молчать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.